

АЛЬБИНА ШАГАПОВА

ОГНЕННОЕ СЕРДЦЕ ВАМПИРА

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Альбина Рафаиловна Шагапова

Огненное сердце вампира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43206151

SelfPub; 2021

Аннотация

Здесь царят чистота и порядок. Жители подчиняются жёстким правилам, нарушение которых наказывается принудительным донорством. Он – жестокий и бескомпромиссный глава страшного Центра забора крови. Она – глупая, наивная студентка, влюблённая в своего преподавателя. Что может быть общего между ними? И почему судьба вновь и вновь сталкивает их?

Содержит нецензурную брань.

Альбина Шагапова

Огненное сердце вампира

Пролог

Я никогда не любила осень. Она, подобно талантливой актрисе, могла с лёгкостью перевоплощаться, рядиться в различные одежды, но независимо от, выбранной ею маски, моя нелюбовь к этой рыжей стерве оставалась непоколебимой. В шуршании золотых монет под подошвами, в пронзительной синей выси и запахах костра, мне чудилось нечто фальшивое, словно природа пыталась, всей этой показной красотой, задобрить живущих на планете тварей. Серый дождь и похрустывающие кроны мокрых деревьев, навевали уныние. А ноябрьский снег, вперемешку с грязью и гниющей палой листвой, вызывал гадливость. Сегодня же, словно нарочно, осень явила себя в одной из своих самых мерзких ипостасей. Мелкий колючий дождик беспрестанно сыпался с небес, раздутых, словно пузо, страдающего метеоризмом, бегемота. Холодные капли вдавливали в землю побуревшую листву. Ветер, порывистый, нервный, растаскивал брошенный кем-то мусор, шуршал пакетами, гремел консервными банками, швырял цветные фантики и упаковки от сигарет. Прошло всего каких-то шесть лет, а город, всегда такой чистенький, ухоженный, даже в слякотные дни, изменился до неузнаваемости. Исчезли аккуратные фонарики, горящие вдоль тротуа-

ров, яркие скамеечки в парках и на остановках, роскошные, словно гигантские ковры, клумбы, не журчали и не устремлялись к небесам, чтобы шумно опрокинуться в вниз, обдавая прохожих брызгами, серебристые фонтаны. На смену всему этому появились переполненные мусорные баки, тут и там, валяющиеся бутылки и шприцы, бродячие, злые и голодные собаки, прочёсывающие улицы в поисках пропитания, бритоголовые молодцы в спортивных костюмах, выходящие на охоту за сумочками и меховыми шапками.

Я сидела на широком подоконнике, обняв колени, в тщетной попытке согреться. Холод, преследовавший меня от самого кладбища, не желал отпускать. Он, словно поселился внутри меня. Улёгся корявыми кусками льда в желудке, растёкся по венам, застыл в области сердца. Коридор был пуст, сер и мрачен, словно знал, по какому поводу все здесь собрались. Знали стены, знали пожелтевшие от старости потолки, знал, вздувшийся от сырости и протёртый множеством ног, линолеум, знали скрипучие двери, закрытых до понедельника, кабинетов. А вот народ, собравшийся в столовой, по всей видимости, забыл. Кое – кто уже затянул застольную песню, то и дело раздавался пьяный смех, стучали ложки, и велась беседа, отнюдь не соответствующая сегодняшнему мероприятию. Поминки перетекли в банальную пьянку, когда скорбеть ох, как не хочется, а хочется болтать, умничать и петь. И кажется, все они рады тому, что отца больше нет. Хотя, кто их разберёт, может и рады. Мой папенька был отвратитель-

ным начальником, какого и заклЯтому врагу не пожелаешь. Кстати, и отцом он был не самым лучшим. Стоп! О покойниках или хорошо или ни как. Чушь, конечно! Ведь ушедший в иной мир существовал, говорил, совершал поступки. И всё это оставило какой-то след, в умах, в сердцах, в истории отдельно взятой семьи, отдельно взятого коллектива. Забыть о умершем человеке, лишь по тому, что он был не прав, значит— отвернуться от прошлого, исказить историю. Нет! Я буду вспоминать отца, говорить о нём, каким бы он ни был. Несправедливо и неблагодарно с моей стороны вычеркнуть из памяти того, кто дал тебе жизнь, того, кто её медленно, но верно ломал, того, кто своей смертью, подарил ещё один шанс.

Оставаться в здании больницы больше не было ни смысла, ни сил, ни желания. В понедельник вновь придётся сюда вернуться, надеть белый халат, выполнять ту роль, что определил мне отец, единственную роль, которую я могла играть более или менее хорошо, в отличии от других социальных ролей. А сегодня суббота, и я имею право напиться.

Холодный воздух терпко пах гнилой листвой и плесенью подвалов. Дождевые капли затекали за шиворот, от ветра, бьющего в лицо, перехватывало дыхание. Обходя грязные лужи с радужными дрожащими пятнами по середине, я размышляла над тем, как вернуть доверие Малининой? На первых сеансах эта женщина с угрюмым, озабоченным лицом и усталым голосом, верила в меня. В её мутных от тревоги,

непролитых слёз и бессонных ночей глазах, стоило лишь мне взять её трёхмесячную кроху на руки, загоралась надежда. Голос несчастной матери звучал просительно, а в карман моего халата то и дело попадала то шоколадка, то плод мандарина.

– Угощайся, Кристиночка, чем могу, – шептала она, потея от смущения. – Так хочется вам приятное сделать. Но завод закрылся, муж без работы.

Я понимающе кивала, от подарков не отказывалась. Нельзя, оскорбишь человека, дарящего от чистого сердца. Да и стоило ли привередничать и ждать от пациентов чего– то более дорогого, когда вся страна охвачена безработицей, когда в каждом здании, в каждом дворе и на каждой улице царит разруха прошедшей войны.

Несмотря на все мои старания, ребёнку Малининой лучше не становилось. Разочарованная мать, цедила сквозь зубы что-то по поводу моей некомпетентности, тупых поломок, возмнивших себя врачами, но ходить на лечение продолжала. Я же не находила себе места, мучаясь чувством вины, и уже сама была готова согласиться с этой женщиной, признав себя безграмотной дурой.

– Ну и хрен с ней, – отмахнулась как-то дерматолог, когда я поделилась с ней своей бедой. – Эти неблагодарные свиньи ждут от нас чуда, а если оно не происходит, принимаются обвинять в лени, бессердечности и чёрт знает ещё в чем.

Сотрудники советовали мне относиться к больным, как

к рабочему материалу, не задумываясь о их душевных переживаниях, обидах и разочарованиях. Вот, только я так не могла. Моей единственной радостью в жизни, моей отрадой и любовью была работа, и только она.

– Нет у тебя гордости, Крыся, – устало вздохнула гиена. – Найди себе, для разнообразия, какое–нибудь дело, несвязанное с медициной, или мужика подцепи нормального. Не всё же о благе больных думать?

– И то правда, – согласилась я со своим невидимым питомцем. – Зайдём в магазин, купим бутылку «Свободы», дешёвый сырок или паштет и помянем папочку, как следует.

– «Свобода»? – гиена в моей голове издала визг. – С каких пор ты стала употреблять дешёвое пойло?

– Не до жиру, родная моя, – мысленно ответила я, наступая в очередную лужу, чувствуя, как холодная вода проникает внутрь ботинка, как носок становится мокрым, тяжёлым и липнет к ноге. – На что-то более приличное, денег у нас не хватит, уже второй месяц зарплату задерживают. Да и в любом случаи с Далерскими винами ничего не сравнится.

Наша с отцом квартира встретила меня гнетущей тишиной, затхлым воздухом и тиканьем настенных часов. Я сбросила ботинки, повесила на крючок в прихожей, промокшую насквозь куртку, прошла на кухню, выложила на стол нехитрую снедь, распахнула окна во всей квартире, дав холодному, сырому, пропахшему гниющей листвой ветру ворваться в помещение. Чёрная ткань на зеркалах укоризненно зако-

лыхалась, несколько бумажек, некогда принадлежащих отцу, слетело со стола на пол. Казалось, что даже после смерти, папочка осуждает мои действия. Пусть осуждает! Его здесь больше нет, и его гнев мне нестрашен. Я сама бросила три комка мокрой жирной земли на крышку гроба. Земля гулко ударялась о дерево, рассыпалась мелкими шариками и скачивалась вниз. Поднеся руки к лицу, я понюхала пальцы. Разумеется, могильной землёй они больше не пахли, от них исходил запах больничного мыла.

– Одинокие люди быстрее спиваются, – вкрадчиво заговорила гиена, в тот момент, когда я искала штопор, чтобы откупорить бутылку. – А ведь у тебя и подруг то нет, кроме Дашки и меня.

– Не сопьюсь, – вслух пообещала я. От собственного голоса, глухо прозвучавшего на пустой кухне, стало жутко.

Наверное, нужно рассказать, откуда взялась гиена. Нет, это не моё второе «Я», появившееся из неоткуда. Эту живность завела я сама, вполне осознанно.

Каждый ребёнок мечтает о домашнем питомце, котёнке, щенке, попугайчике. Моей же мечтой была гиена. Представляла, как покажусь во дворе, ведя на поводке страшную тварь, И у бабушек у подъезда тут же пропадёт желание охать и ахать, у мальчишек – меня дразнить, а у девочек – исключать из игры. Гиена – уродливое, зубастое чудовище, спасало бы и от гневного отца, и от хулиганов и от страшных снов. Разумеется, родитель никогда не разрешал мне завести даже

хомячка или черепашку, так что жуткая тварь жила лишь в моём воображении и на рисунках. Вскоре, мой воображаемый питомец обрёл голос и собственный взгляд на некоторые вещи, стал давать советы, спорить, предупреждать об опасности.

– Может, Дашке позвоним? – не отставала гиена. – А вдруг это пойло палёное, тебе станет плохо, кто скорую вызовет?

– Дашке не до нас. У неё муж, дочка и любимая работа, – вздохнула я, наливая вишнёвую жидкость в высокий бокал.

С резким порывом ветра, в квартиру влетела жёлтая стайка сорванных листьев. Ломтиками поджаренной картошки они улеглись на подоконник, пол, рассыпались по столу. Под окном проехала чья–то машина, разрывая плотную мокрую тишину рыком мотора и резкими, грубыми звуками музыки. Возмущённо залаяла соседская собака. Осень ощупывала моё тело сырыми, холодными пальцами, бесстыдно пробиралась под свитер, растекалась серой мглой по стенам, щекотала ноздри терпким запахом увядания. Но закрывать окна я не спешила. Мне хотелось изгнать из квартиры его запах сигарет, пота, больной похоти, запах собственного бессилия и вины.

Вот сейчас, я была готова устроить настоящие поминки, без смешков, шепотков, дурацких, лживых восклицаний. Я вспомню всё, так, как оно было. Ведь сегодня не только день его смерти, но и день нашего сближения с Алриком.

Глава 1

В отмытые, до идеальной прозрачности окна, отчаянно стучался дождь. Институт жил своей привычной, суетливой, шумной жизнью. Тут и там то и дело разражались задорным молодым смехом белые халаты. Парни кучковались у подоконников, девушки толпились у зеркала. Привычная картина. Будто бы и не было летних каникул, и разлуки с Дашкой, и моего одиночества, и постоянного присутствия отца... Стоп! Хватит! Начался новый, учебный год, а значит, нужно радоваться. Сегодня я была готова обнять целый мир, и тётю Лизу, с остервенением намывающую полы, матерящую бестолочей-студентов, и самих этих бестолочей, и деловито прохаживающихся преподавателей, ну и, конечно, Дашку.

– А-а-а! Крыся! – завопила она, бросаясь мне на шею. – Ты просто не представляешь, как я скучала.

– Ну да, рассказывай, – гиена, принялась за своё излюбленное дело. – Знаем мы, как ты скучала на Далерских островах. Сидела на бережку, эдаким унылым говном и не понимала, слёзы ли бегут по щекам, или солёные брызги моря ветерок принёс? Вот кто скучал, так это мы, и не только по тебе, ты уж извини, а вообще по свободе, свежему воздуху, солнцу и человеческим лицам.

– Пасть закрой! – мысленно осадил я животину. – Ты, конечно права, но у меня сегодня праздник, так, что обойдёмся без твоей горькой правды.

– Ты ещё расписание не смотрела? – подруга загорелая, в

новом жёлтом платье, благоухающая явно Далерскими духами, светилась от счастья. Наверняка влюбилась и ей не терпится поделиться впечатлениями.

А вот мне делиться нечем, и Дашка, не спрашивает о моих каникулах, за что я ей безмерно благодарна.

– Нет, да и какая разница? – глупо улыбаясь, ответила я. Напряжение трёх месяцев отпускало. Я в стенах института, Дашка рядом, а любимый родитель, как раз, на приличном расстоянии. Так чего ещё желать для полного счастья? Вот если бы руки так не тряслись, и голова не кружилась, и живот не ныл, было бы вообще чудесно. Но вот только здесь ничего не поделаешь, радость – тоже стресс, а радость после отчаяния и безысходности – стресс вдвойне. По тому, мне сейчас было глубоко наплевать, какой предмет стоит первой парой. Я приму всё, даже физкультуру. Хотя нет, физкультуре я так рада не буду. Баскетбол, футбол и прыжки через козла – не для меня, и это решение не моё, а матушки – природы. Вот только как объяснить всё это физруку, что у меня маленький рост, хрупкое телосложение, и очень нежная кожа. Он, великий и ужасный учитель физкультуры, очень любит баскетбол, а вот студентов, особенно студенток, глупых, ленивых и размалеванных, просто терпеть не может.

– Девки, прикиньте! – староста группы, статная, энергичная, блестя очками и раздувая ноздри на румянном лице, подскочила к нам. – У нас в этом году новая дисциплина появилась. «Энергоотдача и энерговосстановление» называется. А

вести будет вампир! И зовут его Хальвар, как того монстра из Центра. Я просто в шоке.

– Добро пожаловать на второй курс, -проговорила Дашка, бледнея. Нижняя губа мелко затряслась, а в смородиновых глазах заблестели слёзы.

– Ну что ты, Дашенька, – Ленка потянула подругу к стоящим вдоль стены, деревянным лавкам. – Может, это другой Хальвар, мало ли Хальваров на свете? Забудь и живи дальше, ты же не можешь реагировать вот так на каждого вампира. Сколько у тебя их в жизни будет?

– Лен, – я тронула старосту за плечо, напомнив о своём существовании. – Может, отпросишь её с пары?

Староста обернулась, обдав меня душной волной своего неудовольствия. Ощутив на себе дыхание этой волны, я отступила назад. Да что за наказание такое? Все люди, как люди, живут, общаются, ссорятся, мирятся, спорят. И всё это происходит у них легко, безболезненно. Мне же, постоянно, ежеминутно, приходится ощущать на себе эмоции окружающих, их страхи, обиды, радости и раздражения. Они, эти чёртовы чужие эмоции, подобно облакам газа, ударяют в лицо.

– Особый дар! – воскликните вы.

Вот только на кой чёрт мне он сдался? Что мне делать со всеми этими облаками холодного синеватого страха, бурой горьковатой обиды, красного горячего гнева, да и, сказать по правде, чья-то золотистая тёплая радость мне тоже без

надобности. В своих бы чувствах разобраться.

Своё отличие от других людей я осознала в нежном шестилетнем возрасте в детском саду, на занятиях рисования. Мы, важные карапузики сидели за своими столами, выполняя задание воспитателя под названием «Моя семья». Я, отлично рисующая, для шестилетки, изобразила портреты отца, матери, вредной бабки и гиены. И если другие детишки удовлетворились лишь схематичными изображениями человеческих фигур, то я старательно вырисовывала черты лица, ну и конечно, эмоциональные облака. Красное облако вокруг вечно раздражённого отца, серое – вокруг угрюмой бабки, светло– голубое – окружало нежную маму.

– Что это такое?– спросила воспитательница, обдав меня волной своего непонимания и неприязни.

Я, сбивчиво принялась объяснять нарисованное, с каждым произнесённым словом чувствуя, как непонимание взрослого ширится.

– Зачем ты это нарисовала, Кристина, – в голосе воспитательницы зазвучал металл.

– Но вы же сами сказали...

Я никак не могла понять, что сделала не так, в чём моя ошибка.

– Хорошо, – вздохнула воспитательница. – А меня сможешь нарисовать?

Я кивнула, перевернула лист и нарисовала стареющую женщину, окутанную коричневым маревом недоумения, с

вкраплением буро— зелёного отвращения и фиолетовой печали по чему-то давно ушедшему.

— Это я? — проскрипела женщина, поднося рисунок к круглым зелёным очкам.

После занятия, была организована выставка наших рисунков. Моей работы среди них не было. На мой справедливый вопрос, воспитательница громко, чтобы слышали все дети, заявила:

— Тебе необходимо лучше стараться, Кристина. Ты сегодня ленилась, по тому и рисунок твой вышел очень плохим. Мне стало стыдно показывать его другим детям.

Ребята тут же весело засмеялись, чувствуя своё превосходство. Высунутые язычки, тоненькие пальчики, указывающие в мою сторону, насмешливые гримаски. Кто сказал, что дети добры? Только тот, кто, не встречал на своём пути ни одного ребёнка. Дети неопытны, доверчивы и глупы, и, от того, жестоки.

Сквозь завесу набухших слёз, я смотрела на работы других ребят, с ясностью понимая, что они, эти работы уродливы. Шары, насаженные на разноцветные треугольники, кривые линии вместо рук и ног, точки вместо глаз. Плоско, блекло, сухо, словно они, эти нарисованные люди, вовсе не испытывали эмоций. Но ведь так не бывает. О! Если бы недалёкая тётка, по какой— то глупой случайности выбравшая профессию воспитателя, промолчала, всё бы могло обойтись. Но нет же! Ей, скудоумной, захотелось добить, раздавить ещё силь-

нее шестилетнего ребёнка, и она задала вопрос:

– Какой рисунок тебе нравится больше всего?

– Никакой! – закричала я, так как дети, по своей природе, не только жестоки, но ещё и честны. – В них нет жизни! Они пустые!

Вечером об этом происшествии доложили отцу. Тот, долго и нудно расспрашивал меня об эмоциях других людей:

– Какого цвета тётя Люба? А баба Тома? А Пётр Степанович?

Мне нужно было запомнить точную дату, ведь в этот день папа впервые поднял на меня руку.

Огромная ладонь отца хлётко ударила меня по губам. Я ощутила солёный вкус собственной крови. От боли и неожиданности упала на пол и громко разревелась, что привело родителя в ещё большую ярость. Удары посыпались отовсюду. Я, сжавшись в комочек, старалась защитить голову и лицо, не в силах понять, в чём моя вина, за какой проступок меня наказывают? Ведь папочка, до этого дня так меня любил, играл со мной, водил в парк на аттракционы, в цирк и кино-театр. Когда я успела стать такой плохой настолько, что он – мой милый добрый папа стал причинять мне боль? Вскоре не осталось никаких мыслей, лишь клубящееся багровое море гнева, да фонтаны огня, то и дело вспыхивающие на моём теле. Рука, тогда он бил меня только ею, опускалась и опускалась. Спина, попа, ноги, щека. Меня трясло, валяли по полу, швыряли, то на диван, то с него. Я, больше не узна-

вая комнаты, в которой находилась, потерявшись во времени и пространстве, слышала слова отца, его рёв, но не понимала, что он говорит.

– Ты виновата! Ты, ты, ты! Она умерла из-за тебя! Ты выпила, высушила её, тварь!

Затем, всё резко прекратилось. Папочка вновь стал прежним. Поднял моё безвольное тело на руки, прижал к своей вспотевшей, голой волосатой груди. Волосы неприятно кололись, даже сквозь ткань футболки, но я терпела, боясь вызвать новую вспышку ярости.

– Доченька моя, – шептал он, дыша мне в макушку. – Больше так не делай.

Никогда и никому не говори о разноцветных облаках. Иначе, за тобой придут вампиры и заберут к себе. Они будут пить твою кровь, тебе будет очень больно, и ты умрёшь.

От его зловеще-ласковых слов стало страшно, и я ещё теснее прижалась к отцу, ища поддержки и защиты. Я была готова сделать что угодно для него, лишь бы он не вздумал отдать меня ужасным вампирам. Психика ребёнка, податлива, как глина, хрупка, словно фарфор, плодородна, будто почва. Вылепи тонкие, неустойчивые ножки, кривые неумелые ручки и короткий язычок. Сломи волю, раскроши зачатки характера. Посади и взрасти зёрна страха, вины и нелюбви к себе. И вот тебе – готовый раб, которому не нужна свобода, так как пугает его необходимостью принимать решения и делать выбор.

– Ты должна слушаться своего папочку, – говорил отец, смазывая мои синяки прохладной мазью.

И я кивала, как болванчик, радуясь тому, что папа вновь добрый, что не разлюбил меня, а значит – всё хорошо.

– Не надо, – справляясь с собственным дыханием, произнесла Дашка. – Волков бояться – в лес не ходить. На Далерских островах тоже вампиров, как грязи было, ничего, пережила.

Новый преподаватель вошёл в аудиторию минута в минуту, как говорится, со звонком. Статный, широкоплечий, в светло-оранжевой рубашке свободного кроя. Вампиры вообще не любят стесняющей одежды. Даже на своей пижонской рубашечке верхние пуговицы расстегнул, вызвав тем самым выброс прогестерона в кровь у женской половины группы. Смешки, шепотки и возня, присущая всем студентам, тут же смолкли. На мгновение показалось, что аудитория стала меньше. Вампир, подобно огромной скале в час заката, такой же непреступный, рыжий и суровый, подавлял своим присутствием, заставляя нас ощутить собственную ничтожность.

– Солнечного дня вам, студенты, – прогудел он, вытягивая руки вперёд, раскрытыми ладонями вверх.

– Солнечного дня, – ответили мы, следуя его примеру.

Кивком головы преподаватель позволил нам сесть.

– С этого года во всех человеческих институтах вводится новая дисциплина «Энергоотдача и энерговосстановление».

По этому предмету будут как зачёты, так и экзамены, как на втором, так и на всех последующих курсах. Предупреждаю сразу, что это, не тот предмет, который можно будет прогулять, а потом списать конспект у товарища. Работа с аурой и энергиями внутренних органов— процесс довольно сложный, по сему, советую посещать каждую лекцию, и не спать на партах, а внимательно слушать и конспектировать каждое моё слово. Меня зовут Хальвар, а ваши имена я надеюсь узнать по ходу урока. Итак, записываем

— Он? — толкнула я локтем Дашку, кивая в сторону преподавателя.

— Он, — подтвердила подруга, нервно прикусывая нижнюю губу.— Его что, из Центра выгнали, раз сюда припёрся?

Преподаватель повернулся к нам спиной, демонстрируя медный хвост на затылке, и вывел мелом на доске:

« Аура и здоровье человека ».

— А для чего нам это знать? — выкрикнул со своего места Женька Лебедев, повеса, балбес и покоритель женских сердец. — Ведь есть лекарства, инструментарий. К чему нам, современным людям, дикарские методы?

Группа вздохнула, восхищаясь Женькиной смелостью и, одновременно, пугаясь её. В конце— концов, вампир— не старушка Софья Ивановна, преподающая фармакологию, и не грубоватый физрук. Да, Женька любил пытаться учителей вопросами, загоняя их в тупик, заставляя нервничать, оставаясь весёлым и спокойным. Именно за чувство юмора, бесша-

башность, лёгкую придурковатость, ну, и конечно, привлекательную внешность героя-любовника, его и любили. Добрая половина института, кроме меня, разумеется, вздыхала по нему, мечтая пройти по краешку его бурной студенческой жизни, пролететь на его рычащем байке, обнимая парня за талию. Ведь потом, останутся воспоминания, яркие, полные Женькиной нежности, страсти и веселья.

– Представьтесь, пожалуйста, – вампир чуть заметно улыбнулся. – И встаньте.

– Лебедев Евгений, – с нарочитой небрежностью произнёс Женя, хотя я чувствовала, на каком– то, непонятном мне, ментальном уровне его страх. И, даже, на короткое мгновение, смогла увидеть тёмно– синее облако, ощутить его холодное дыхание.

– Ну, так ответь мне, Евгений, чем вы сможете помочь человеку, если у вас под рукой не будет лекарств, инструментов и оборудования? Представь, что ты с друзьями отправился в лес, или в Эвильские горы на лыжах с девушкой, или на дачу с родителями.

– Окажу первую помощь и вызову скорую, – Женька не желал сдаваться. Переспорить препода либо вывести его из себя, было для него дело принципа. А принципы, когда тебе девятнадцать, как известно, сильнее страха.

– Отлично, – вампир медленно шагал между рядами парт, останавливая взгляд то на одном, то на другом лице, плотно улыбаясь. – Вот только, порой, счёт идёт на минуты, и

скорая может не успеть. А потом, не забывай, твоим пациентом может оказаться не только незнакомая бабулька, но и друг, мама или любимая девочка. Им больно, они ждут твоей помощи.

– Небось, идёт и размышляет: «Кого бы сожрать», – ткнула я локтем, сидящую рядом Дашку. Подругу уже отпустило, и теперь ей требовалась шутка, любая, пусть даже дурацкая. Дашка улыбнулась краешком губ.

– Ага, или : «Кого бы сжечь?». Прикольно, магия, которой они обладают, определяет их внешность. Водники – блондины, маги земли – брюнеты, воздушники – шатены, а этот вот – маг огня. Нас на экскурсию по вампирским храмам возили. Я в шоке! Знаешь, как у них свадьбы проходят?

– Ну и как? – спросила я, по тому, что Дашка ждала этого вопроса. На самом же деле, на мои плечи вновь навалилась тоска, серая, вязкая, словно жидкий, ещё не застывший бетон. Моя лучшая подруга всё лето отдыхала, купалась в море, ездила на экскурсии, узнавая что-то новое, в то время, как я сидела под замком, в душной комнате, за учебниками. А молодость проходит, ускользает песком сквозь пальцы. Девчонки встречаются с парнями, учатся строить отношения, гуляют по вечернему городу, танцуют в клубах, посещают спортивные залы и бассейн. Они живут! А я? Я, всего-навсего, существую, чтобы воплотить амбиции своего папочки. А вдруг Дашке надоест унылая подружка – домоседка, с которой и выйти то никуда нельзя? И как мне жить без

Дашки?

— Они занимаются сексом в храме своей стихии. У водников есть водопад, у магов земли— пещера, у воздушников— гора, обдуваемая со всех сторон ветром, а у огневиков— вулкан.

— Вулкан? — я старалась смеяться беззвучно. — У них там, наверное, задницы в уголь превращаются. «Ой, милый!» «Тебе так хорошо?» « Да нет же, просто жопа загорелась». Вот кто, действительно, сгорает в пламени страсти.

Мне хотелось говорить пошлости, хотелось оскорблять вампиров, пусть тихонечко, неслышно, но всё же в их присутствии. Я испытывала непреодолимое желание хулиганить, нарушать правила, чтобы прогнать тоску, почувствовать себя молодой, беспечной, бесстрашной, свободной, живой. И пусть о моём демарше будем знать только я, Дашка и гиена, живущая в моей башке, но это лучше, чем кукольное существование в тесной коробке приличий. Меня знобило, воздух казался горьким и густым, а сердце колотилось, словно я только что совершила марш— бросок по пересечённой местности. Не хочу домой, не хочу, не хочу! Плотные бордовые шторы, настольная лампа, стопка учебников, стул без спинки, духота, от которой ломит виски, тиканье часов, и тёмная фигура отца, развалившегося в кресле. Мочевой пузырь переполнен, но встать со стула я не имею права, пока не расскажу всё, что написано в главе, всё, без единой запинки, наизусть.

– Шашлык из вампирских задниц! – смех Дашки вырвался наружу, и она тут же зажала рот ладонью.

Не успела я порадоваться, тому, что смогла рассмешить подругу, как горло перехватил страх, даже не страх, а ужас. Горячая ладонь препода легла мне на затылок. Да он своей лопатой мне, если захочет, череп сомнёт и в пыль раскрошит, вместе с обоими полушариями, мозжечком, мостом и продолговатым мозгом. Кстати, мой любимый питомец тоже сдохнет.

– Довыпендривалась, – тут же заулюлюкала гиена. – Ох мало тебя батя ремнём по голому задку порол.

– И не стыдно тебе всякие пошлости говорить? – шепнул вампир, одними губами, чтобы слышать могла лишь я. Нажим усилился, а по телу побежала горячая волна. Ну где справедливость? Ржала Дашка, а голова в его огромной лапше моя?

– Представьтесь, пожалуйста, – эта фраза была уже произнесена для всех.

– Алёшина Кристина, – проблеяла я.

– Вот скажите мне, Кристина, вам стало лучше?

Я прислушалась к себе. Тоска действительно отпустила, дурацкое желание заплевать весь мир и выброситься с крыши тоже. Горячая волна, от чего-то кажущаяся мне ярко-рыжей, обволокла, успокоила, согрела.

– Обратите внимание, коллеги, – вампир вернулся за кафедру. – Сейчас на ваших глазах, только что, чуть было не

произошёл нервный срыв. Умея воздействовать на ауру, мне удалось его предупредить. По сему, уважаемые коллеги, позвольте мне продолжить лекцию.

Впервые, за всё время своей студенческой жизни, Женька потерпел поражение. А прекрасная половина нашей группы, скорее всего, переметнулась к другому объекту обожания.

Тем временем, Хальвар продолжал:

– Всё, что живёт, излучает вибрации. Вибрирует ядро атома, вибрирует человек, планета, вселенная. Вибрации дают нескончаемые цветовые и звуковые излучения. У здорового человека, вампира или любого другого живого существа, свечение ровное, яркое. Но во время болезни, свет тускнеет, а позже, приобретает болотную окраску. Наша задача, в этом случае, восстановить цвет свечения.

Вампир окинул аудиторию внимательным взглядом. Да уж, у такого препода не забалуешь.

Было слышно, как по железу козырька дробно стучат дождевые капли, как скрипят ручки по тетрадным листам, в попытке записать последнюю фразу, сказанную преподавателем.

– Ну и бредятина, – шепнула я на ухо Дашке. – А ведь нам придётся учить и сдавать весь этот вампирский геморрой.

Дашка чуть слышно хихикнула. И этого хватило для того, чтобы вампир обжёг меня своим негодующим взглядом, не предвещающим мне ничего хорошего. Глаза янтарного цвета не отпускали, заставляли ёжиться и втягивать голову в пле-

чи. Во рту пересохло.

– Дура, дура, дура ты, дура ты проклятая, – запищал противный голосок гиены внутри моей бедовой головы слова из всем известной частушки.

– Задержишься после лекции! – нетерпящим возражения тоном, проговорил преподаватель и вновь вернулся к своему конспекту. Во мне всё сжалось. Вот так, доигралась ты Алёшина! Была ты милой куколкой, тихой и покорной, вот и оставайся ею. А в бунтарей и революционеров пусть другие играют. Однокурсники ехидно заржали, вернее, попытались это сделать, но тут же осеклись, стоило преподавателю обратить на них свой пылающий взор.

– Следовательно, по состоянию ауры можно диагностировать и лечить любые заболевания. Каким образом происходит лечение больного?

Вопрос оказался, явно, риторическим, так, как после него, аудитория погрузилась в густую, напряжённую тишину. Студенты, изображая старательность и прилежность, уткнулись в свои тетради. Я, не желая отрываться от коллектива, тоже потупила взгляд, вот только мне это не помогло.

– Поздравляю, – хихикнула всё та же облезлая гиена. – Ты приобрела себе врага.

Подтверждая умозаключение моего питомца, огненный маг вновь зыркнул на меня своими глазищами.

– Алёшина, как вы думаете, что мы будем использовать для лечения человека?

– Звук, – прошептала я одними губами, чувствуя, как щёки заливаются краской, как звенит в ушах. Властитель вселенной, ну чего этот вампирюга ко мне пристал?

– Именно, – соглашаясь со мной кивнул препод. – Звуки тоже имеют свою окраску. Каждая нота светится. Нашей задачей является диагностика заболевания и подбор соответствующей мелодии. Увидеть брешь или изменение окраски в ауре, вы, разумеется, не сможете. Но, используя знания топографической анатомии, собрав анамнез, вы легко сумеете спеть больному ту песню, в которой нуждается его поражённый орган. Итак, записываем. Ноты и их цветовое излучение.

– А он – милашка, несмотря на то, что вампир, – шёпот Дашки, казалось, прогрохотал на всю аудиторию. – Как раз в моём вкусе, люблю таких здоровенных.

– А вы, Лужайкина, не в моём, – небрежно кинул в нашу сторону преподаватель, выписывая на доске, острые и колючие, словно языки костра, буквы. – Вот ваша подружка мне подойдёт.

По позвоночнику пробежал противный холодок, сердце пропустило удар, а конечности налились свинцом. Он ведь шутит? Точно шутит! Ведь не станет же он так, в стенах института, без извещения, без согласия родителей? Или станет? Они – хозяева планеты, им всё позволено. Автолюбителей то и дело штрафуют, заставляя сдавать кровь, даже за самые мелкие нарушения, неплательщиков налогов и должников, так же наказывают донорством. Семьсот миллилитров

требуют за мелкое хулиганство, не жалея даже подростков, девятьсот – с грабителей и мошенников, убийц же, выпивают без остатка. За нами следят всегда, постоянно, каждую минуту. Существует целый штат вампиров для отслеживания правонарушений, в основном состоящий из магов земли и магов воды. И всюду у них свои шпионы. В парках, и в транспорте, в магазинах и больницах. Цветы и фонтаны, декоративные пруды и растения в кадках – всё это служит не только украшением городов, но и зорко следит за нами, собирая информацию и передавая её вампирам. В прошлом году, в центр забора крови угодила и Дашка. А за что? За стёртую двойку в журнале. Когда открылась правда, вредная сухопарая носатая гримза– математичка, заявила в комитет по правонарушениям. Суда не было, просто в один из самых обыкновенных дней за Дашкой пришли. Сняли с лекции и под конвоем из двух вампиров увели.

– Это было ужасно, – рассказывала мне потом Лужайкина, захлёбываясь слезами. – До центра забора крови мы летели над городом. Ты даже не представляешь, как это страшно болтаться над землёй. А потом, белая комната без окон, кушетка, противная клеёнка под спиной и игла, втыкающаяся тебе в вену. Они присудили мне пятьсот двадцать миллилитров. Я умоляла прекратить, просила прощения, плакала, но они так и не остановились, пока не откачали столько, сколько им было нужно.

Кровь, кровь, кровь! Они её хотят постоянно! Им всегда

мало! И люди устали. Устали бояться нарушить закон, вести, до тошноты, правильный, здоровый образ жизни, вздрагивать от ночного звонка в дверь, ведь ночью приходили они, чтобы забрать, сделать своим источником. А я так радовалась, что являюсь единственным ребёнком в семье, и по тому, меня не тронут, не имеют права. Наивная дурочка! Они создают эти законы, они же их и нарушают.

– Нота До, – продолжал вещать вампирюга. – Имеет красный цвет. Нота Ре– оранжевый цвет, нота Ми– жёлтый, нота Фа– зелёный, нота Соль– голубой, нота Ля – синий, и, наконец, нота Си– имеет фиолетовый цвет.

* * *

Студенты покидали аудиторию в спешке, не застёгивая сумок. Каждому поскорее хотелось выскочить в коридор, где шумно, легко и свободно, где всё привычно, по– человечески.

– Держись, – Дашка сжала мою холодную ладонь и тоже выскользнула.

Я осталась наедине с рыжим. Желудок сделал кульбит, язык онемел, правое веко задёргалось. И откуда он будет кровь брать? Сонная артерия? Срединная вена локтя?

– Подойди! – скомандовал Хальвар.

Легко сказать, а что, если подкашиваются ноги и дрожат колени?

– Что ты сейчас испытываешь, Кристина? – неожиданно

спросил он. Но больше чем вопрос, меня поразил его голос, мягкий, тёплый и светлый, словно огонь в камине, добрый и уютный.

Крепкая рука потянулась в мою сторону, и я, инстинктивно, отпрянула. Вот не к добру это, когда люди руки к тебе тянут, а когда их тянут вампиры, тем более не к добру.

– В чём дело, ребёнок, – улыбнулся вампир. – Я не причиню тебе вреда, просто подойди поближе.

Я неуверенно сделала два шага к нему навстречу.

Обидное слово «Ребёнок» заставило мои страхи и опасения попятиться, уступая место возмущению и раздражению. Ну почему, каждый считал своим долгом назвать меня так? Кондуктор в автобусе мог заорать на весь салон:

– Уступите ребёнку место!

В парке, на прогулке с отцом, какая-нибудь мамашка принималась умиляться:

– Ах, да чего же милая девочка? Сколько лет вашей крошке?

У кого–нибудь ещё остались вопросы, за что я так ненавижу свою внешность? Маленькая, тоненькая, с круглым нежным личиком, трогательными ямочками на щеках, большими, словно застывшими в удивлении, голубыми глазами в обрамлении густых, светло–золотистых ресниц. Мелкие кудряшки на голове, мягкие, словно шерсть новорождённого ягнёнка, и тоненький, почти детский голосок. Вот как, скажите на милость, заставить людей принимать меня всерьёз, ко-

гда я способна вызвать лишь материнский инстинкт? Думаю, что если в тёмном переулке мне повстречается маньяк, то даже он состроит идиотскую рожу и произнесёт:

– Уси– пуси!

Хотя, о чём это я? Какие, к чертям маньяки, грабители и прочие разбойники? Да мы дорогу в неположенном месте перейти боимся, бумажку мимо урны не бросим. Нас воспитали, выдрессировали, мы послушны, покорны, как стадо мулов.

– Итак, Кристина, я повторяю свой вопрос, что ты испытываешь?

– Страх, – ответила я.

– Найди его в своём теле, где ты ощущаешь страх?

– В области желудка и вдоль позвоночника.

Ладонь вампира тут же легла на эпигастральную область. Хальвар пел, и песня эта была странной, состоящей лишь из низких нот. Я застыла, затаила дыхание, впитывая тепло, умиротворение, безмятежность, исходившую от поверхности этой руки. Та же процедура была проведена и с позвоночником. И когда она прекратилась, мне стало жаль. Песня и близость преподавателя качали меня на волнах спокойствия, тихого удовольствия, дарили иллюзию надёжности и безопасности.

– Когда в последний раз ела? – голос вампира посуровел, янтарные глаза смотрели строго и укоризненно. Глядя в них, не соврёшь, не отделаешься молчанием.

– Три дня назад, – ответила я, как под гипнозом.

– У тебя начинается гастрит, ты хоть знаешь, что это такое, будущий врач? – последнее слово он, выплюнул, будто надоевшую жвачку. – Какие, к чертям, диеты? Ты и без того вся прозрачная!

– Я не могу ничего проглотить. Меня тошнит постоянно, – в голосе противно зазвучали слёзы. Мало мне одного заботливого тирана дома, ещё и в институте второй нарисовался.

– Уже нет.

Надо же! А наш препод и улыбаться умеет, да так, что мурашки по коже.

Преподаватель взял меня за плечо, поверх локтя и повёл к выходу.

– Идём в буфет, кормить тебя будем.

Студенты и преподаватели, попадающиеся нам на встречу, окидывали нас удивлёнными взглядами. Но Хальвара, казалось это совершенно не волновало, в отличие от меня. Я шла, глядя себе под ноги, стараясь не встречаться глазами с кишащими в коридоре людьми, словно это как-то поможет мне избежать ненужных вопросов.

– Будешь так понуро плестись, возьму на руки, – пригрозил Хальвар.

В жёлтых глазах сверкнули хулиганистые искорки. От огромной руки, держащей моё плечо, вновь побежали мягкие ручейки золотистого тепла. Что это? Блин! Нежность, которую испытывают по отношению к маленьким детям.

Нежность, жалость, желание защитить. Властитель вселенной, ну когда ко мне будут относиться, как к полноценному человеку?

Пришлось ускорить шаг. А то, кто его знает, подхватит на руки и потащит на глазах у всего народа, стыда не оберёшься.

Рядом с ним я ощущала себя выходцем с другой планеты. Даже знакомые лестничные пролёты, двери и коридорные ответвления чудились иными. Никогда я ещё не ждала звонка с таким нетерпением. К завтрашнему дню по институту поползут сплетни и домыслы, одни невероятнее других.

А если эти самые слухи дойдут до моего отца?

– Ну, конечно же, дойдут, – активизировалась гиена. – Рано или поздно, он всё узнает. И знаешь, какое наказание тебя будет ждать...

– Что именно узнает? – ответила я нахальной животине. – Ну, прошлась по коридору с преподом, ну поела в столовой. Не в ресторан же он меня, право, пригласил. Прекрати раздувать из мухи слона!

– А о чём ты будешь с ним говорить? – гиена не унималась. – Вот сядете вы за столик, напротив друг друга, а дальше?

Действительно, о чём? Я со своими то сверстниками тему разговора не могу подобрать, а здесь, отнюдь не парнишка лет двадцати.

К счастью, в столовой оказалось не столь многолюдно. Да

и вести задушевные беседы нам не пришлось, к моему великому облегчению. Огненный маг, водрузив передо мной поднос с полным студенческим обедом, поспешил ретироваться. Правильно, в няньки и друзья он мне не нанимался. Оказал студентке медицинскую помощь, угостил обедом, за свой счёт, и всё на этом.

Как не странно, ела я с аппетитом, чего уже давно со мной не случалось. Борщ, морковный салат, паровая котлета и отварной рис исчезли с тарелок за несколько минут. Даже противная гиена замолчала.

– И чего он хотел?

Дашка перехватила меня у самого выхода из столовой.

– Начало гастрита предупредил

Говорить об этом, от чего-то было неловко, словно мы с вампиром занимались чем-то неприличным.

– Слушай, Крысь, – глаза подружки посерьезнели, прохладные пальцы ухватились за моё запястье. – Так больше не может продолжаться, ты понимаешь это? У тебя трясутся руки, постоянно мучает тошнота, тахикардия. Это – психосоматика, дорогая моя. Сегодня на лекции тебя спас вампир, а кто спасёт завтра?

– И что ты предлагаешь, Дашуль, – я тяжело опустилась на скамеечку, подружка уселась рядом со мной, обнимая за плечи, глядя меня по кудрявым глупым волосам. Сколько я себя помню, она всегда была рядом. Мы ходили в один детский сад, играли в одном дворе, сидели в школе за одной партой,

и сейчас мы тоже вместе.

Милый, светлый, добрый человечек –моя Дашка. Страшно представить, что я буду делать, если эта чернявая девчонка покинет меня.

– Побороть свой страх, избавиться от чувства вины и поднять голову, наконец. Ты уже совершеннолетняя, получаешь стипендию, сможешь снять недорогое жильё и жить отдельно. Что тебя держит рядом с отцом?

Дашка устало вздохнула, тем самым показывая, как ей надоело твердить об одном и том же. Могла бы и не трудиться. Я и без того чувствовала её раздражение, жалость и отчаяние.

– Пойми, Крысенька, – сказала она, а в голосе уже звенели слёзы. Ещё чуть– чуть, и я тоже заплачу. – Домашнее насилие страшнее тем, что своего родного человека ты сама пытаешься оправдать, ищешь объяснение его поведению, испытываешь чувство вины. И он – домашний тиран этим пользуется, зная, что жертва дорожит отношениями, полностью зависит. Твой отец – хороший психолог, великолепный манипулятор. Изменить ситуацию сможешь только ты сама, и никто более.

Всё правильно говорила Дашка. Вот только чужая беда всегда кажется нам не такой уж большой. Конечно, подруга переживает за меня, хочет помочь. Но это не она будет рассказывать наизусть главы из учебников стоя перед отцом, не ей он раскроит руку ножом, чтобы научить останавли-

вать кровотечение, не её лицо будет отчаянно пылать краской стыда, когда, в очередной раз, придётся отказываться от приглашения на вечеринку.

– С ним бесполезно бороться. От него уйти невозможно. Отец везде меня найдёт, – прошептала я, и тут же поняла, что даже не пыталась себя спасти, никогда. Вот только какой в этом смысл? Мой бунт будет жестоко подавлен, а чувство собственного достоинства, от которого и без того остались ножки да рожи, окончательно растопчут.

– Ты ошибаешься, – дыхание Дашки отдавало приятным запахом сигарет и фруктовой жвачки. Да, моя подруга курила, назло вампирам, тем самым, выражая протест против их режима. – Человек способен на многое. Отец ломает тебя, перекраивает, лепит. Но ведь ты – свободная личность и имеешь право на собственные желания, какими бы глупыми, смешными, нелепыми они не казались твоему отцу.

– Он меня кормит, одевает, и я живу под крышей его дома, – голос мой прозвучал бледно, серо и уныло, словно погода за окном проникла и внутрь меня. – Я без него ничего не могу, ничего не умею.

– Да, это так, – воинственный настрой Дашки не смог поколебать даже этот мой убийственный, исчерпывающий аргумент. – Вот только ты можешь всему научиться, если захочешь.

– О чём приуныли, красавицы? – корча рожи пропищал Гавриков. В вечно помятом халате, прыщавый, худой и рас-

трёпаный, пропадающий вечерами в барах и на танцполах, он, каким-то непостижимым образом умудрялся хорошо учиться, и даже, получать повышенную стипендию.

– Хорош сырость разводить! Как на счёт того, чтобы всей группой завалиться ко мне на хату? Будем бухать, танцевать и морально разлагаться!

Я уж было раскрыла рот, чтобы отказаться, как Дашка воскликнула:

– Круто, Костенька! Мы обязательно пройдем!

– Мы? – спросила я Дашку. Бедная, из солидарности со мной она столько всего вынуждена пропускать. – Ты же прекрасно понимаешь, что меня никто не отпустит.

– Именно мы, ты и я, – как полоумной, растягивая слова, проговорила подруга. – Хватет сидеть в своей башне, как принцесса, похищенная драконом. Пришла пора бороться за свою свободу.

Глава 2

Студенческие застолья всегда отличаются простотой, незамысловатостью, именно этим они и милы сердцу. Никаких мудрёных, многослойных салатов, лежащих в желудке тяжким грузом, никакого горячего, которое, после жирных разноцветных пирамид и башен из рыбы, картофеля, моркови и огурцов, не желает проталкиваться по пищеводу, но ты упорно ковыряешь запечённое мясо, пропихиваешь его внутрь себя, чтобы не обидеть хозяев.

Нет и странных, больше напоминающих конвульсии, тан-

цев, когда несколько человек дёргаются под музыку на небольшом пяточке пространства, то и дело поправляя, слетающие тапки.

У студентов всё иначе, легче, веселее, свободнее. Пиво, солёные орешки, сушёная рыба, жареная картошка, гитара, и тот, кто умеет на ней играть.

Я гнала из головы дурные мысли об отце, заставляя себя получать удовольствие от вечера, вытуживала радость, подпевала нестройному хору голосов, смеялась над анекдотами. Завтра меня будет ждать расплата за моё безрассудство, но разве вечер проведённый среди однокурсников не стоит того? Порой, мне удавалось расслабиться, алкоголь медленно, но верно делал своё дело. Однокурсники казались дружелюбными, в синих сентябрьских сумерках, в шелесте, слегка пожелтевшей, но всё же ещё крепкой листвы, чудилось нечто умиротворяющее, а завтрашнее объяснение с отцом казалось таким же далёким, как и выпадение первого снега. Из приоткрытого окна пахло дождём и мокрым асфальтом, в высотке напротив зажглись разноцветные квадраты окон. Пальцы Женьки Лебедева перебирали струны, пенилось пиво в стаканах, и меня слегка клонило ко сну. Но внезапно, накатывал страх, сердце ускоряло ритм, а по телу растекалась слабость, противная, нездоровая, язык немел. Хотелось забиться в дальний угол, скрючиться в позе эмбриона и дожидаться смерти, так как во мне стойко укреплялось понимание, что она, эта страшная старуха с косой совсем близко.

Дашка сидела рядом, но жаловаться ей на перепады своего настроения было стыдно. В психоаналитики она не нанималась. Да и к чему портить человеку праздник своими стена-ниями?

– Ребята! – Провозгласил Гавриков, поднимаясь из за стола с бокалом в руке. – Я хочу поблагодарить вас за то, что вы есть, такие весёлые, смешные, жизнерадостные и дружные.

– Не стоит благодарности, дружище, – начал Витёк, но Гавриков остановил его жестом.

Лицо хозяина квартиры оставалось максимально– серьёзным, что заставило всех притихнуть.

– Мне было приятно учиться с вами, встречаться на вечеринках, прогуливать лекции. Но сегодня я покину вас, ровно в полночь, за мной прейдут.

Стало страшно, но уже не за себя, а за Гаврикова, за любого сидящего в этой комнате. Теперь, темнеющая улица за окном казалась зловещей, а квартира не убежищем, а ловушкой.

– Но может тебе позволят учиться? Ведь они иногда позволяют, – неуверенно проговорила староста.

– Нет, Лен, – вздохнул Гавриков. – Мне ясно дали понять, что ни о какой учебе и речи быть не может. Меня будут пить всей семьёй и муж, и жена, и сын, по вампирским меркам, мой ровесник. Короче, меня не станет уже через год.

Королева группы – Юлька Богданова взвыла. И этот вой был искреннем. Он вмещал всё, и ужас происходящего, и

жалость к однокурснику, и отчаяние. Никому из нас даже в голову не пришло осудить её.

В каждом классе и в каждой студенческой группе есть красотка, которой позволительно всё, и на уроки в мини за-
явиться, и нахамить, и разреваться на глазах у всех. Этим
длинноногим грудастым девам, благоухающим духами и
щеголяющим на высоких каблуках, ни за что и никогда не
бывает стыдно. Я боялась таких, как Юлька, но в то же вре-
мя, хотела быть на них похожей.

– Да что же это? – всхлипывала Юлька. – Ребята, мы все
обречены, вы понимаете?

Несколько девчонок, в основном из королевской свиты,
кинулось её утешать.

– Они забрали Аню, теперь Гаврикова, а потом кого? –
получив всеобщее внимание Юлька продолжала упиваться
горем. А руки девчонок скользили по её длинным, тёмно-
бордовым волосам, обнимали за плечи, протягивали воду.

Я же смотрела на всё это с плохо– скрываемым раздраже-
нием. Меня то никто вот так не утешает, да и не плачу я на
публике, если честно, хотя поводов для слёз имею гораздо
больше чем та же Юлька.

– Кто такая Аня? – спросила я подругу.

Королева подняла на меня красные глаза.

– До нашей заучки всё, как до жирафа на пятые сутки до-
ходит, – зло прошипела она. – Чего ты вообще сюда припёр-
лась?! Детям спать пора! А ну, вали отсюда!

Я растеряно огляделась, в поисках защиты. Стало обидно до слёз. За что столько ненависти? Я же не сделала Юльке ничего плохого.

– Успокойся, Юлечка, – принялась ворковать староста. Клуша, да и только. – Алёшина не стоит твоих нервов.

Я задохнулась от возмущения и тухловатого ощущения несправедливости, а ещё от зловонных паров гадливости, болотного цвета. Каждый из ребят, таких милых и улыбочивых на первый взгляд, обдал меня своей неприязнью, отвращением.

– Аня– сестра Юльки, – пояснила подруга, лишь она светила ровным розоватым светом, с нежным запахом ванили. Дашка жалела меня и пыталась поддержать. – Её вампиры забрали в прошлом году.

– Она жива? – спросила я, так как подобный вопрос показался мне естественным.

– Твоё, какое дело, пупс хренов?! – взревела красавица, вернее бывшая красавица, так как злость исказила черты её лица до неузнаваемости.

Разъярённой фурией с красной перекошенной рожей, выпученными глазами и пенящейся слюной в уголках губ, Юлька бросилась на меня и вцепилась в волосы.

В попытке защитить себя, я схватила королеву за ворот платья, ткань предупреждающе затрещала, что ещё больше разозлило Юльку. Ругаясь и плюясь слюной, она трясла меня, как ребёнок трясёт погремушку, я же царапала ей руки,

рвала пуговицы, а те, отскакивали на пол.

Синий квадрат окна, люстра на потолке, громада коричневого шкафа, накрытый стол и лица однокурсников, всё мелькало перед глазами, расплывалось в пелене злых слёз, прыгало от тряски. Юлька была в четыре раза крупнее и сильнее меня и этим преимуществом успешно пользовалась.

– Сучка! Вампириша! – рычала красотка. – Лучше бы ты сдохла, чем моя сестра! Ненавижу вас, кровососы поганые!

– Идиотка! – не оставалась в долгу я, тоже переходя на крик. – Причём здесь я? Вот и кидайся так на вампиров, а не на людей!

Наконец нас разняли, развели по разным углам комнаты.

– Я убью тебя, кровососка! – продолжала орать Юлька, делая попытки вырваться из удерживающих её рук однокурсников.

Сердце колотилось, царапины от ногтей сумасшедшей девахи начали противно саднить. И стоило ради этого портить, и без того, напряжённые отношения с отцом?

– Юлька, прекрати, – примирительно и даже как -то устало, произнёс Гавриков. – Ну, с чего ты взяла, что Алёшина – вампир. Кровь она не пьёт, магией не обладает, а иначе, наваляла бы тебе сейчас.

– Действительно, Юль, – вмешалась Дашка. – Где-то дурацкую сплетню услышала и поверила.

– В любом случаи, дыма без огня не бывает, – встряла староста, протирая очки краем своей блузки. – Зря, Дашуль,

ты её сюда притащила.

Я растеряно переводила взгляд с Дашки на кучку ребят, собравшихся вокруг Юльки, которая стала понемногу успокаиваться.

Сидя в четырёх стенах в опостылевшей компании отца над учебниками, я многое пропустила, даже не многое, а почти всё. Жизнь студенческой группы проходила мимо меня. И вот результат! Обо мне ходят какие-то слухи, а мне стало об этом известно только сейчас. Я едва удерживалась от слёз, хотя в глазах и носу противно щипало.

– Анька, моя милая Анька, подписала, их чёртов договор, – голос Юльки стал хриплым, теперь она раскачивалась из стороны в сторону, обняв себя за плечи. – Я видела её перед самой смертью. Моя сестра такой бледной была, голос тихий, ручки тонкие. Нам с ней даже поговорить толком не удалось, она постоянно плакала, от слабости...

– Меня ждёт то же самое, – обречённо вздохнул Гавриков, наливая из бутылки золотистую жидкость. – По этому, пока мои руки могут держать стакан, пока желудок принимает пиво, а друзья рядом, мне хочется веселиться, не думая о завтрашнем дне. Итак, за последний вечер моей свободы!

Раздался мелодичный звон, ударившихся друг о друга бокалов. Вечеринка продолжилась, вновь зазвучала гитара, полились песни. Но для меня, вечер был уже испорчен, что не укрылось от Дашки.

– Пошли по домам, – шепнула мне она, но сероватое об-

лако разочарования спрятать ей всё же не удалось.

Ещё бы, подружка хотела весело провести время, выпить, покричать песни, а тут, приходится со мной нянчиться. Плохой я друг, не удобный!

— За что меня так ненавидят? — спросила я Дашку, когда мы уже шли по тёмной улице.

Моросил мелкий дождик, в лужах отражался рыжий свет уличных фонарей, то и дело мимо проходили весёлые парочки, обдавая нас стойким запахом туалетной воды. Мокрая листва деревьев, аккуратно растущих вдоль тротуара, трепетала от лёгкого ветерка. И было приятно так идти, под дождём, в оранжевом свете, вдыхая особый запах городской осени.

— Они боятся, Крысь, — немного помолчав, ответила Дашка. — У каждого из нас есть планы, мечты, надежды на будущее. Ведь когда тебе девятнадцать, то кажется, что перед тобой целый мир. И вот, в один прекрасный день, в твою дверь стучаться вампиры, тычут в лицо бумажкой, заставляют подписать договор и требуют следовать за собой.

— А я то здесь причем? Я так же боюсь, что меня заберут. Мне так же жалко и Гаврикова, и эту незнакомую девочку Аню.

— Ребята тебя не знают. Они видятся с тобой лишь на парах, ты же не ходишь с нами никуда. А по институту бродят слухи, что твоя мать была вампиршей. Да и внешность твоя, ты уж извини, на подобные мысли наталкивает.

Это «С нами» неприятно обожгло. Что же получается, пока я корплю над учебниками, пока выслушиваю нотации дорогого родителя, с ума схожу от одиночества и надеюсь, хотя бы на минуту покинуть ненавистную комнату с плотно-задёрнутыми красными шторами, моя Дашка развлекается в кругу однокурсников, сидит в барах, танцует в клубах, гуляет в парках, поедая мороженное и сладкую вату?

– Ты их оправдываешь? Вот какова цена твоей дружбы! – ругаться с единственной подругой не хотелось, но фраза вырвалась сама собой. – Да ты должна была меня защитить, послать их ко всем чертям. А вместо этого, выставляешь виноватой? Видите ли, дорогие однокурснички меня не знают, боятся моей внешности, а значит имеют права кидаться с кулаками?! Ну конечно, со мной скучно, я дома постоянно сижу. А вот с такими, как Юлька – классно! Что Дашенька, перешла на их сторону?

В моём голосе звучали слёзы, непролитые, накопленные. А от осознания того, что могу потерять единственного друга, на душе становилось ещё гаже.

– Крыся, никаких сторон нет, – мягко произнесла Дашка, и от этой мягкости стало ещё противнее. Так говорят с теми, на кого больше не желают тратить свои эмоции, от кого устали. – Я тебе не должна ничего. Да, мы дружим с самого детства, я понимаю тебя, гораздо больше, чем все остальные. Но быть твоим придатком, твоей тенью, твоим костылём я не желаю. К счастью, в сферу моих интересов входит не толь-

ко общение с тобой, но и мальчики, танцы, кино, музыка и многое, многое другое.

На эту, вообще-то справедливую, отповедь, я не нашла, что ответить, и остаток пути мы прошли молча. Даже у подъезда не попрощались. Дашка гордо процокала на каблучках к своему дому, ни разу не оглянувшись.

А я, ещё долго стояла, глядя ей в след, даже тогда, когда тёмный силуэт подруги скрылся за дверью подъезда. В свою квартиру, в душную мрачную пещеру, где всецело властвует огнедышащий дракон – мой отец, подниматься не хотелось.

– Будешь на улице ночевать? – проснулась гиена. – Вот не ссорилась бы с Дашкой, могла бы на ночь у неё остаться, а папочка наш к утру, может быть, остыл.

От воспоминаний о Дашкиной квартире, из глаз брызнули слёзы, благо скрывать их было уже не от кого. Во дворе лишь шелестели деревья, скучали пустые скамейки, да бродячий кот разгуливал по клумбе.

В доме подруги всегда пахнет выпечкой. Её мама, круглая, румяная и желтоволосая, то и дело выкатывается с кухни, словно большое яблоко. Руки Дашкиной матери пухлые, проворные, постоянно находятся в движении. То ловко лепят пельмени, то колдуют над шитьём, то перебирают спицами.

– Ой, Крысенька! – сказала бы мне она, улыбаясь так светло, как улыбается солнце на детском рисунке. – А я пирог испекла.

– Привет медицине! – весело воскликнул бы Дашкин отец, откладывая газету. – Когда трупы резать будете?

А младший братишка притащил бы свои игрушки, чтобы похвалиться. Беленький, шустрый, как зайчонок, впереди нехватает одного зуба, коленки измазаны зелёнкой.

У Дашки в доме всегда звучит смех, там светло и уютно, пахнет выпечкой и свежими садовыми цветами.

– Размечталась, – рявкнула гиена. – Ну так иди, попроси у неё прощения, может, пустит переночевать. Вот только учти, я в этом участвовать не стану, у меня какая– никакая гордость всё же есть.

– Тогда идём домой, раз мы такие гордые, – ответила я питомцу и вошла в подъезд.

Узкая кабина лифта, ряд кнопок, мой дрожащий палец нажимает на цифру «6». Тревожно горит жёлтая прямоугольная лампочка под потолком. Вот и всё, скоро я вновь окажусь в своём персональном аду.

Глава 3

Стоило мне открыть дверь и войти в квартиру, как облако отцовского гнева бросилось мне навстречу. Всего миг, какая-то доля секунды, но я увидела его, багровое с прожилками чёрного. Дурной признак, родитель не просто зол, он разъярён. В своих предчувствиях я не ошиблась. В руке отца был кнут, тот самый кнут, которым... Нет! Не надо об этом сейчас. Тело тут же покрылось противными липкими мурашками, а мысли, заготовленные слова превратились в

вязкую кашу. Время шло, отец смотрел на меня, прожигая взглядом, губы плотно сжаты, жёлтые брови ярко выделяют-ся на покрасневшем лице. На лбу блестят крупные капли выступившего пота.

Тиканье часов, гудение холодильника, из приоткрытого крана сочится вода. Опускаю глаза, сжимаю кулаки, стараясь унять крупную дрожь своего глупого тела, опускаю взгляд к носкам туфель, на коричневый узор линолеума. В горле ком, колючий, царапающий слизистую, с мерзким кисловатым привкусом вины.

– Сколько сейчас времени? – едва скрывая своё негодование, цедит отец, сжимая деревянную рукоять кнута.

Я молчу, и не только по тому, что язык прилип к нёбу. Сейчас, любое сказанное мной слово, станет отправной точкой, сигнальным флажком, катализатором. А мне хочется отсрочки, небольшой, коротенькой, хотя и бессмысленной. Кому, как не мне знать, что как бы я не тянула время, сколько бы не играла в молчанку, отец не пощадит, не махнёт рукой, внезапно передумав. Наказание неизбежно. Я буду плакать, молить, просить прощение, соглашаться со всем и во всём, но кнут в руках родителя остановится лишь тогда, когда захочет он, и никак иначе.

– Я волновался, Кристина. Уже хотел обзванивать больницы и морги. Но ты– неблагодарная эгоистка, тебе плевать на чувства других людей.

Теперь к страху примешивается ещё и чувство вины. Дей-

ствительно, что мне мешало предупредить отца о том, что отправляюсь на вечеринку? Да, он бы, разумеется, накричал на меня, заставил немедленно вернуться домой, но, хотя бы, не изводился неведением. Отец прав, я – эгоистка. Не хотела портить себе настроение, не хотела казаться сама себе жалкой.

Нет, нет, нет! Нужно немедленно остановить этот поток самоуничижений. Пора избавиться от дурацкой привычки винить себя во всём и оправдывать отца. Он пытается манипулировать мной, раздавить меня. Ему мало страха, он хочет вины, хочет, чтобы я испытывала отвращение к самой себе.

– Ну же! – вопит в моём мозгу верная гиена. – Ты же такую пламенную речь подготовила, о свободе и правах человека, о том, что тебе надоело жить под одной крышей с тираном, и ты съезжаешь от него. Давай! Скажи ему!

Но, как бывало всегда, слова, так стройно выстроенные, отрепетированные, разбиваются и крошатся о непоколебимую правоту отца. Рядом с ним я вновь чувствую себя глупым, капризным, ленивым ребёнком.

– Молчишь? Даже извиниться не хочешь? Кого я вырастил?!

От отцовского рыка в груди всё сжимается, колени подкашиваются, и я прислоняюсь к двери. Вспотевшая спина ощущает прохладу гладкого дермантина, и от этого становится немного легче.

– Извини папа, – шепчу я, с трудом выталкивая из себя

квадратные, неповоротливые слова. Главное, избежать побоев, избежать боли. А от лишнего «извини», я беднее не стану. Хочет это слышать, пусть слышит. Но как же страшно, Властитель вселенной!

Синие тренировочные штаны, круглый живот, обтянутый серой майкой, мощные руки, покрытые белёсыми волосками, складчатая шея, пальцы жирные, тяжёлые, сжимающие кнут. Надо мной возвышается великан, огромная разъярённая махина. Хочется сжаться, превратиться в горошину и закатиться в самую узкую, самую пыльную щель.

– Извини?! – ревёт он. – И ты думаешь, что одним этим словом сможешь откупиться? Неблагодарная тварь! Жалкое ничтожество! Да я, если захочу, из тебя омлет сделаю!

Страшная гора мяса, жира и злобы надвигается на меня. Я же, беспомощно вжимаюсь в дверь, чувствуя, как темнеет перед глазами, как холодеют ступни и кисти, как голову разрывает звон колокола.

Я всегда боялась этого отцовского состояния, по тому и была покорна. Моя покорность, моя услужливость и вечное соглашательство спасали меня от побоев. В последний раз он бил меня три года назад, за трояк по математике. Властитель вселенной, неужели опять?

– Ты живёшь на моей шее! – грохочет родитель, для пущей убедительности, похлопывая себя по той самой шее. – Жрёшь, одеваешься. Ты же сдохнешь без меня, ты же ничего не умеешь, ни к чему не приспособлена! Ты паразит, блоха,

которую я могу раздавить!

Да, отец был прав, тысячу раз прав. Я, действительно, ничего не умею, ни погладить себе одежду, ни приготовить обед, ни пуговицу пришить. Вот только по чьей вине?

– У тебя не получится, – говорил отец, когда я пыталась приготовить что–нибудь. – Ты испортишь продукты, а они, стоят денег, которые зарабатываю я. Не смей приближаться к плите!

– Не трогай утюг! – рывкал дорогой родитель, когда я решалась погладить себе блузку. – Прожжёшь одежду, а мне не хочется тратить деньги на новые тряпки.

Любое моё начинание жестоко осмеивалось отцом, любая попытка проявить самостоятельность, обрубалась на корню. Единственное, что мне разрешалось – это учиться.

– Я сделаю из тебя – ничтожества настоящего человека. Ты станешь гениальным врачом, которым я смогу гордиться. Ты должна стать лучшей студенткой, слышишь Кристина? – часто повторял он.

Наконец, происходит то, что должно было произойти, отец хватает меня за отворот блузки и швыряет на пол. Теперь в поле моего зрения мелькают только босые ноги с серыми поломанными ногтями да коричневые ромбы на линолеуме. Страх парализует, не давая ни крикнуть, ни отползти. Тело не желает слушаться, оно сдалось, ожидая серии ударов. И они, эти удары, не заставляют себя ждать. Свист разрывает воздух, и полоска кожи впивается в ткани моей спи-

ны, вспарывая, обжигая, оставляя глубокую канавку. Кричу, но рука отца вновь занесена, и следующий удар ложиться на ягодицы, потом вновь на спину, вгрызается в бедро. Кнут гуляет по моему телу хаотично, и я не знаю, какая часть меня взорвётся от боли в следующий раз. Я сама становлюсь болью, одним окровавленным куском страдания. Блузка, юбка и колготки намокают от крови. Я скулю, жалко, унижено. Кричать нельзя, этим можно ещё больше разозлить отца.

– Кем ты себя возомнила, мерзавка?! – рычит отец нанося удар за ударом. – Я научу уважению!

– Прости папочка, я больше так не буду.

– Заткнись! Получай! Получай!

– Не надо, пожалуйста, я всё поняла.

Голос не слушается, срывается и дрожит, из горла рвутся всхлипы, что ещё больше распаляет мучителя. Когда же это закончится? Ведь не станет же он меня убивать, я его дочь, его надежда.

Обида и страх отодвигается на задний план, остаётся лишь боль. Она клубится перед глазами густым красным маревом, кромсает тело на куски. Нет ни «до», ни «после». Нет ни тьмы, ни света. Существует лишь боль, безумная, безграничная, всеобъемлющая.

Всё прекращается резко, внезапно. Руки отца поднимают меня с пола, как мешок картошки и волокут в комнату. Бордовые шторы, вечно задёрнутые, и затхлый воздух моей темницы так пугают меня, что я вздрагиваю всем телом.

– И что ты поняла, Кристина? – спрашивает отец, швыряя меня на кровать, а сам усаживается в кресле напротив. Теперь его тон будничный, строгий, снисходительный, как всегда.

В голове раскачиваются колокола, гулко звеня, распугивая трусливые мысли. Молчу, не до конца понимаю, о чём меня спрашивают. С трудом соображаю, что ответ нужно дать прямо сейчас, пока отец вновь не впал в ярость.

– Что я плохо поступила по отношению к тебе, заставила тебя волноваться.

– Тупое существо, – устало произносит отец, откидываясь на спинку кресла и прикрывая глаза. – Ты потратила драгоценное время, которое можно было посвятить учёбе! Ты разрушила мои планы. Я хотел выйти с тобой на прогулку. Мы бы посидели у пруда, послушали пение птиц. Ты бы рассказала мне о своём первом учебном дне, а я – об интересном пациенте, доставленного сегодня утром. Но нет же! Вместо этого, ты предпочла бухать с сосунками и ожидать, пока тебя трахнут, как последнюю шлюху! Я ни раз говорил тебе, что парням нужна лишь твоя дырка! Ты хочешь, чтобы тебя трахнули в одном из парков? Хочешь принести мне в подолё?

Чувство сожаление накрывает меня душным пледом. А ведь, действительно, мы с отцом могли пойти в парк. Иногда, когда папа находился в хорошем расположении духа, мы так и делали. Брали учебники, корзинку для пикника, огромное

коричневое покрывало и шли к пруду. Пахло водой, мокрой травой и цветами. Солнце блестело на круглой ровной глади водоёма, шелестела листва, чирикали птахи. В такие часы, отец был весел, добродушен, он шутил, травил медицинские байки. Да, в нашей с отцом жизни были и светлые моменты. Именно за них я, наверное, и продолжала любить его, несмотря ни на что.

– Нет, папочка, – едва шевелю я губами.

– Вонючие ублюдки будут совать в тебя свой член, из которого только что ссали. – Ты будешь орать от боли, как свинья. Но ублюдок, такой милый и заботливый, на первый взгляд, не остановиться. Он продолжит вталкивать свою штуковину, пока не выпустит внутрь тебя зловонную жижу. Только я смогу уберечь тебя от этого! Но ты, тварь, не ценишь моей заботы.

– Ценю, папочка, – всхлипываю я, с нетерпением ожидая, когда он встанет с кресла и покинет мою комнату.

Хочется смыть с себя кровь, а потом лечь, ощутить прохладу простыни, закрыть глаза и погрузиться в тяжёлый, но всё же, спасительный сон. Но разговор не окончен,

– Не этого я хочу услышать, – отец брезгливо, словно перед ним положили жабу, поджимает губы. – Я бы предпочёл услышать слова благодарности, но разве их дождёшься от самовлюблённой эгоистки?

Спина горит, блузка начинает присыхать к ранам. Усну ли я сегодня ночью или буду постоянно просыпаться от боли?

А ведь завтра в институт, пары никто не отменял.

– Спасибо, папочка, что тратишь на меня своё время. Что делаешь всё возможное, чтобы я стала хорошим врачом.

Я готова сейчас произносить какой угодно вздор, лишь бы он ушёл, оставил меня, наконец, в покое.

Отец кивает моим словам. В льняных волосах, таких же, как у меня, только без лёгкой рыжены, поблёскивает свет электрической лампы. Пальцы любовно поглаживают рукоятку кнута, живот то поднимается, то опускается, будто живёт своей, отдельной от хозяина, жизнью.

– И всё? – родитель наклоняется вперёд, в голосе вновь звучат гневные ноты. – Нет, ты, действительно, тупая гусыня. Повторяй, раз сама не в состоянии сделать вывод: « Дорогой отец, спасибо тебе за сегодняшний урок».

Я покорно повторяю, глядя в голубые, прищуренные в недовольстве глаза.

Родитель встаёт со своего места, открывает дверцу шкафа и швыряет в меня комком одежды, в котором я узнала толстую шерстяную водолазку и зимние штаны.

– Завтра пойдёшь в этом, – цедит папа сквозь зубы и выходит из комнаты.

С ненавистью смотрю на одежду, что подобрал мне отец. Правильно, никто не должен видеть моих синяков и ран, оставленных кнутом. И то, что я сварюсь заживо в этом одеянии, а водолазка колетса, и будет раздражать раненную кожу, его не волнует. Он делает так, как считает нужным, Ему

лучше знать, что для меня лучше, а моё мнение никакого значения не имеет. Отец решает, что мне надеть в институт, чем позавтракать, в каком часу ложиться спать, когда отправляться в ванную. И, упаси, Властитель вселенной, ослушаться его приказа, сделать по-своему!

* * *

Я лежу на животе, отец сидит на краю постели и смазывает мои раны. Мазь прохладная, она успокаивает и дарит облегчение.

– Не будем даром тратить время, – говорит он, нежно размазывая мазь по длине кровотокающей полосы. – Рассказывай о цервикокранеалгии. Ты выучила?

– Да, папочка, – выдыхаю я.

– Начни сразу с симптоматики.

И я рассказываю. Наизусть, как он всегда требует, слово в слово:

– Боли в задней поверхности шеи, распространяющиеся в лобную, затылочную и височную область. Напряжение мышц шеи, преимущественно с одной стороны, болезненность надкостницы при пальпации, у остистых отростков, тошнота, рвота, тахикардия.

С ужасом понимаю, что не помню, как там дальше. Отец тоже понимает это, так как резко охватывает мою шею своими жёсткими пальцами хирурга и начинает сдавливать. В глазах темнеет, по телу растекается слабость, в животе скру-

чивается узел. А в голове, крутится глупая мысль о том, что останутся синяки.

– Спазм! Спазм! – орёт в ухо отец. – Нарушение кровообращения! У пациента в таком состоянии ухудшается зрение, у него мушки перед глазами! У тебя есть мушки?

Пальцы разжимаются, и я делаю судорожный вдох. Перед глазами продолжают плясать эти проклятые мушки.

– Спасибо, папочка, – проговариваю я непослушными губами, зная, что он этого ждёт. – Теперь мне всё стало понятно.

– То-то же, – бурчит отец. – Спокойной ночи, Кристина. Выключается свет, закрывается дверь.

Слышу, как удаляются его шаги, как он заходит на кухню, открывает холодильник, ставит чайник на плиту. Хочется пить, но выйти из комнаты права не имею. Фраза: «Спокойной ночи, Кристина» произнесена, а значит, до наступления утра, я не должна даже выглядывать в коридор, что бы не произошло.

На животе лежать не удобно, но подвергать свою спину и попу новым испытаниям совершенно не хочется. Сон не идёт. Шлёпанье голых пяток отца по линолеуму, лай собаки под окном, шум листвы, растревоженной ветром.

Дашка права, нужно набраться смелости и уйти, изменить свою жизнь. Что ждёт меня с отцом? Вечное подчинение, побои, оскорбления? Разве мне приятно быть игрушкой в его руках? Ведь он играет мной, распоряжается, лепит из меня

того, кем не смог стать сам. А если в порыве ярости он убьёт меня? Вот только куда мне идти? Я ничего не умею, ну сниму квартиру, завезу в неё свои пожитки и что? Буду ходить голодная, в помятой одежде и бояться мужчин. Вопреки Дашкиным объяснениям, вопреки рассказам девчонок, вопреки знаниям, почерпнутым из учебников, представителей противоположного пола я боялась. Слово «Секс» пугало меня до крайности. Моё тело казалось мне столь хрупким, столь несовершенным, столь ранимым, что любое прикосновение мужских рук, да и не только рук, могло разрушить его, сломать, принести вред. Несмотря на то, что никогда не была с мужчиной, девственницей я уже давно не являлась. В тринадцать лет я получила урок полового воспитания от любимого папочки. С начала родитель прочёл мне длинную лекцию на тему: «Нет ничего страшнее секса», а после, чтобы закрепить результат, решил провести практическое занятие. Я орала от боли, глотая собственные слёзы, умоляла прекратить, обещала учиться на одни пятёрки, клялась в вечной любви к своему отцу, но мои мольбы не были услышаны. Отец продолжал терзать, грубо вталкивая рукоять своего кнута в недра моего тела.

– Запомни, Кристина, – с холодным спокойствием поучал он. – Парень, которому ты это позволишь, не остановится.

С потолка равнодушно светила жёлтая лампа, мягкие игрушки удивлённо таращили глаза. Мне казалось, что каждая вещь, находящаяся в комнате, осуждает меня. Что теперь я,

грязная, униженная, отвратительная, просто не имею никакого права вставать ногами на пол, садиться за стол, дотрагиваться до стен.

– Ты хочешь, чтоб с тобой это делали грязные ублюдки? – вопрошал отец, вталкивая своё орудие всё глубже и глубже.

От распирающей боли и густого запаха отцовского пота к горлу подкатывала тошнота, рот наполнялся вязкой слюной.

– Нет, папочка, – с трудом произносила я. – Мне всё понятно. Пожалуйста, не надо больше, прошу тебя!

А потом меня рвало долго и неукротимо в синий железный таз.

– Ты жалкая и вызываешь отвращение, – говорил отец, стоя рядом. – Ты сдохнешь без меня, помни об этом!

Мысли извивались, путались между собой, выплетали замысловатый узор. Кому-то покажется это странным, но я совсем не умела мечтать, может быть по тому, что все мечты тут же разбивались о скалу жестокой реальности по имени Юрий Алёшин. Любовь? О, только не это! На платонические отношения не согласится ни один мужчина, а большего, я предложить не смогу. Интересная работа? Глупо мечтать о том, что уже предрешено. Я стану врачом, как этого хочет отец, а больше я ни на что не пригодна. Меня готовят к этому и только к этому. Поездка на Далерские острова? Отец – лютейший ненавистник вампиров никогда не позволит мне подобной глупости. Ненависть отца к вампирам была столь сильна, что когда он слышал о них, впадал в неистовство. Как

и все добропорядочные граждане он следовал их правилам, не плевал на тротуар себе под ноги, не опаздывал на работу, не грубил и не повышал голоса в общественных местах. Ещё бы, кому захочется угодить в центр забора крови? Но дома, особенно в компании коллеги – ортопеда Авдея Игоревича, материл их так, что уши сворачивались в трубочки. Так о чём это я? Ах да, о мечтах. В раннем детстве я мечтала о том, что вернётся мама. От чего-то, она представлялась мне рыжей, тоненькой и очень весёлой. Ровно до двенадцати лет я верила в то, что мама уехала, как говорил отец, бросила нас по причине моего несносного характера. И я старалась вести себя хорошо, быть незаметной, покорной, в надежде, что отец напишет маме, расскажет о моём примерном поведении, и она вернётся. Но мой двенадцатый день рождения ознаменовался тем, что я узнала правду.

– Тебе нужно жениться, – скрипела бабушка, отхлёбывая из своей чашки и отдуваясь. – Сколько можно жить бобылем?

Бабку я не любила. От неё всегда пахло мочой и тухлой селёдкой. Не могу до сих пор понять, как ей удавалось избегать вампирских штрафов? Распространять дурной запах в общественных местах строго запрещалось. Она никогда не забывала больно щипнуть меня за щёку, или дёрнуть за ухо, объясняя это огромной любовью ко мне. Антонина Антонова была не из тех бабушек, пекущих пироги и блинчики, желающих накормить всех досыта. Напротив, приходя в нашу

с отцом квартиру, она тут же принималась ворчать, что отец меня слишком балует, что я много ем, и с какой это стати этот несносный ребёнок болтается без дела и мешает взрослым. Справедливости ради, нужно отметить, что я была идеальным ребёнком, послушным, молчаливым и скромным.

– Я не один, у меня есть дочь, – отвечал отец, изучая взглядом выцветший узор на клеёнке.

– Тьфу! – бабка в сердцах топнула ногой. – Мать этой девчонки давно умерла! Я понимаю, Кристина напоминает тебе о ней. Но, послушай, не стоит губить свою жизнь. Ты – здоровый молодой мужик и не можешь жить одними воспоминаниями.

Помню, как долго плакала в комнате, прощаясь со своими мечтами, как рвала портреты матери, нарисованные мной, как ругала себя за наивность и глупость. Позже, много позже, я спросила отца, почему он не сохранил ни одного фото матери. На что, папочка цинично ответил, мол, он не желает молиться на лик умершей жены и размазывать сопли, ведь у него, у Юрия Алёшина, есть задачи поважнее.

Глава 4

Почему каждый, с кем бы я не столкнулась, пытается меня унижить? Почему в качестве объекта своих насмешек выбирают именно меня? Какова причина моих неудач? Внешность? Да, пожалуй. Легко обидеть беззащитного ребёнка, смотреть, как это дитя крепится, старается не показывать своих слёз, кусает от досады пухлые губки и надувает, крас-

ные, от обиды и стыда, щёчки, как блестят от непролитых слёз, большие, словно у куклы, глаза.

Я лежала на столе, словно кусок говядины, готовящийся на жаркое. В, уже начавшие затягиваться раны, впивались колючие шерстинки водолазки. Я чувствовала, как по коже стекают капельки пота, от чего хотелось почесаться, а ещё лучше – окатить себя водой, прохладной и освежающей. Вокруг меня, затаив дыхание, лишь изредка, чуть заметно улыбаясь, сгрудились белые халаты. Щёки мои пылали, взгляд упирался в склонённые надо мной лица однокурсников и в ещё одно, ненавистное лицо.

Закрыть глаза, отгораживаясь от происходящего, показалось мне слишком унижительным. Нет уж, я буду смотреть в эти бесстыжие морды, сохраняя на лице каменную маску безразличия.

После вчерашних пыток тело болело, кружилась голова, и мелко тряслись руки. Раздражало всё, и покашливания однокурсников, и голос препода, и шлёпанье тряпки за стенами кабинета. А уборщица, словно издеваясь, шмякала и шмякала своим рабочим инвентарём прямо под дверь. Чавкающий звук тряпки возвращал меня во вчерашний кошмар, от чего, тело покрывалось противными мурашками.

– Любое эмоциональное состояние отражается в теле живого существа, ведь эмоции – ни что иное, как ответная реакция организма на раздражения, – вещал вампир.

День сегодня выдался ясным. Утреннее сентябрьское

солнце, всё такое же золотистое, но уже не жаркое, вливалось в аудиторию щедрыми потоками. И в этом свете, что наполнил помещение до краёв, заливая густой желтизной и стены, и столы и потолок, медная шевелюра преподавателя казалась и вовсе огненной, как те старые клёны в институтском дворе. Я поймала себя на том, что невольно, залюбовалась вампиром, его рыжей непослушной чёлкой, спадающей на глаза, этими самыми глазами, цвета янтаря, широкими плечами, высоким лбом и тут же обругала себя за это:

– Как можно любоваться тем, кто тебя унижает, да ещё и прилюдно.

А препод, тем временем, продолжал свой урок:

– Часто испытываемая негативная эмоция, провоцирует заболевание того или иного внутреннего органа. Наша с вами задача, восстановить часть ауры в проекции поражённого органа и устранить токсичное действие эмоции.

Горячая рука преподавателя легла на моё запястье, и по телу потекло уже знакомое тепло, а дыхание перехватило от восторга. Солнце вспыхнуло ещё ярче. Теперь оно пылало в каждой пылинке, кружащейся в воздухе, светило во мне самой. Я сама была готова стать этим светом, раствориться в нём. Превратиться в пляшущие языки огня, беспечные, радостные, но такие сильные и опасные. Передо мной лежал весь мир, или я сама стала этим миром, его центром? Я – ядро планеты! Я – кипящая лава...

– Ну и глупая у тебя физиономия, наверное, – шепнула

гиена. – Ты, Крыська – посмешище, экспонат, наглядное пособие. Ты, жалкая куколка, ни на что не способна, по тому и лежишь здесь, на столе, пока другие занимаются делом.

Обида и раздражения нахлынули, накрыли мохнатым серым покрывалом, и я резко выдернула руку из такой уютной, мягкой ладони. Хотя, мой протест, оказался сродни тому, когда вопреки маминым наставлениям, ребёнок ест снег и облизывает железки на морозе. Хальвар даже не заметил потери, зато во мне поселилась пустота, а солнце потускнело.

– Сбору анамнеза, как и топографической анатомии, вас, надеюсь, обучили на других дисциплинах. А на сегодняшнем занятии, мы начнём работу, непосредственно, с аурой пациента.

Ребята захихикали, кидая на меня насмешливые взгляды. Даже на лице моей лучшей подруги отразилась улыбка.

Да, с Дашкой мы помирились. Я сама подошла к ней с извинениями, и она, великодушно, их приняла. Но, дружба-дружкой, а смеяться, когда действительно смешно, никому не запрещается.

– Итак, – взгляд Хальвара обжёг, пригвоздил к жёсткой поверхности стола, на которой я лежала. – Данный пациент испытывает частые головные боли, тошноту и боли в желудке. Всё это следствие хронически – испытываемых эмоций, таких, как страх, вина, обида. Так же, пациент нуждается в положительных эмоциях, таких как, любовь, удивление, умиротворение.

Однокурсники принялись переглядываться, я же, казалось, вот-вот сгорю от стыда и возмущения. Кто ему, вообще, позволял лезть мне в душу, выворачивать её на изнанку и выставлять на общее обозрение?

– Если оказание экстренной помощи, снятие боли, купирование приступов, требует лишь работы с аурой, то лечение хронических заболеваний и их предотвращение на начальной стадии, предполагает работу ещё и с эмоциями.

– А как мы поймём, какие у него там тараканы, мы же ауру не видим? – вмешался неисправимый Женька Лебедев.

– А для этого, уважаемые студенты, вам читают курс психологии.

Вампир одарил всех присутствующих своей лучезарной, ослепительной улыбкой, от которой заныло в животе, и, наконец, не только у меня.

Ребята улыбнулись в ответ, даже Юлька – лютая ненавистница вампиров. Ну и куда испарилась твоя принципиальность, Юлечка? Что же ты на Хальвара с кулаками не кидаешься, не винишь в смерти сестры?

– Приступим, непосредственно, к лечению, – огромная ладонь легла мне на эпигастральную область. – Мы из прошлой лекции помним, что терапевтический эффект возникает по причине частоты колебаний различных звуков, которые резонируют с внутренними органами. Каждому внутреннему органу соответствует свой звук и своё сочетание нот. В нашем случае нам потребуется сочетание нот «Фа»

и «Ми». Жёлтый цвет ноты «Фа», успокаивает боль, а зелёный цвет ноты «Ми», обладает седативным и противовоспалительным эффектом. Что касается эмоционального состояния, то здесь нашей задачей является подбор звуков того же цвета. Теперь хочу задать вам вопрос, коллеги, какая эмоция на данный момент требуется нашему пациенту? В чём он испытывает недостаток?

– В шубе и валенках, – выплюнула Юлька, стараясь выкачать этим словом всё своё призрение ко мне. Несколько человек поддержало её хихиканьем.

Тёплый дружелюбный взгляд преподавателя посуровел. Теперь в его глазах блеснул не ровный свет янтаря, а полыхали раскаленные угли.

– Покиньте аудиторию, студентка Богданова, – жёстко произнёс он, а в помещении стало жарче.

Студенты потупили взоры, тут же решив, что носки их туфель, и есть диво дивное и чудо чудное.

– А что я такого сказала? – пискнула Юлька, стараясь удержать свой страх под контролем и в то же время, заслужить снисхождение. – Что пошутить нельзя?

– Если вы, студентка Богданова, не покинете аудиторию, – спокойно произнёс вампир, и от его спокойствия, хищного, властного, пропитанного осознанием собственной силы, бросило в дрожь. – Я буду вынужден выписать вам штраф за нарушение дисциплины.

Бледная Юлька, схватив сумочку, выскочила за дверь. В

воцарившейся тишине было слышно, как цокают каблочки по отмытому до зеркального блеска кафелю. Попробуй не отмой, тут же получишь повестку в Цтанцию забора крови. Мол, тебе платят деньги, тебе выдали жильё, тебя лечат в больницах и отправляют отдыхать в санатории, будь добрым – выполнять свои обязанности добросовестно. Вампиры вообще помешаны на добросовестности и порядке.

– Так что же требуется нашему пациенту на первом этапе лечения? – голос вампира вспорол сгустившееся молчание, словно сверкающим ножом.

– Спокойствия? – робко спросило несколько человек.

– Да, – согласился преподаватель. – Пациент напряжён, раздражён и напуган. Находился, да и сейчас находится в состоянии стресса. Тошнота, нарушение сна и аппетита, всё это устраняется зелёными звуками «И», «Ю» и жёлтым звуком «Е». Лишь на последующих сеансах мы введём красную ноту «До» и звук «А». Красный цвет, звучащий в верхней октаве излучает доверие, любовь, чувство безопасности, всё то, в чём нуждается данный пациент...

Оставаться безучастным подопытным кроликом больше не было сил. С какой это радости, я позволяю себя выставить на посмешище, демонстрировать мои слабые стороны и давить на больную мозоль? Мало мне отца, а ещё и этот...

Мысли скакали разноцветными блохами, покусывали моё самолюбие, оставляя зудящие волдыри. Чувство самосохранения и осторожность помахали ручкой, а на их смену явил-

ся гнев. Словно со стороны я услышала собственный голос.

— Вы об этике и деонтологии хоть какое-то представление имеете? — крикнула я, спрыгивая со стола и натягивая халат, поверх водолазки. — Какое вы имеете право обсуждать мои проблемы, копаться во мне, как в потрошенной курице? Право всесильного вампира, штрафующего всех, кого не лень? Идите— ка вы в жопу, всемогущий хозяин планеты!

С этими словами, я выскочила из аудитории и помчалась в место, где все девочки привыкли реветь, оплакивая свою нелёгкую долю, в женский туалет. Там, перед зеркалом, в тишине, нарушаемой лишь клокотанием унитазных бочков да звоном падающих капель из неисправного крана, я долго вглядывалась в своё отражение. На меня смотрел обиженный ребёнок с красными, от слёз глазами, распухшим носом и пылающей кожей щёк. Теперь, когда ярость схлынула, в душу медленно начал заползать страх. Скольким холодным червём он продвигался внутри меня, оплетая петлями органы, ложился маслянистой тяжёлой тушей в желудке. Я оскорбила преподавателя! Является ли он вампиром или нет, значение не имеет. Он находился при исполнении своих обязанностей, а нанесение оскорбление гражданину, выполняющему свою работу — преступление. Мне выпишут штраф, сообщат на работу отцу, а может даже и отдадут во служение какому—нибудь вампиру на некое количество суток.

— Дура, — констатировала гиена. — Надоело лежать на сто-

ле? Так отпросилась бы в туалет или наврала, что тебе нехорошо. Нет же, нужно истерики устраивать, хамить. Да вампиру, если подумать, хотя ты этого как раз делать и не умеешь, глубоко плевать на твоё хамство. Вот только ты нахамила ему при свидетелях, и теперь, как бы ему не было лень, он будет просто обязан тебя проучить.

От осознания собственной глупости по телу растеклась слабость, ноги подкосились, и я рухнула пятой точкой на подоконник.

– Отец меня убьёт, – вспыхнули огненные, словно шевелюра злосчастного вампира, буквы перед глазами.

Не могу точно сказать, сколько времени я так сидела, прислушиваясь к звукам, доносившимся из коридора. Открывались и закрывались двери аудиторий, цокали женские каблукки, уборщица продолжала орудовать тряпкой. Наконец, раздался звонок, и спустя несколько минут, моё одиночество нарушило появление Дашки.

– Это невероятно! – возбуждённо тараторила она, усаживаясь рядом со мной и тормоша за плечо. – Какие возможности, Крысь, ты только подумай! Без операций, без длительного приёма лекарств! Просто, работа с аурой! С ума сойти.

– Ты думаешь это просто? – безучастно спросила я, чтобы проявить хоть какое-то внимание к словам подруги.

– Нет, конечно, – Дашка спрыгнула с подоконника и принялась расхаживать между рядами кабинок и раковин. Полы белого халата развивались, словно крылья. – Хальвар преду-

предил, что не у всех будет получаться. Мы же, в конце – концов, люди, а не вампиры. Не пойму, Крысь, чего ты сбежала, да ещё и препода послала ? Я потом легла на твоё место. Круто, скажу тебе! У меня, оказывается, проблемы с бронхами, большой риск хронического бронхита. И представляешь почему? Просто я сдерживаю свои эмоции, свой гнев. Прикинь, он пел специально для меня. Ощущения – супер ! А потом, такой гвалт поднялся, ты не представляешь. Все начали кричать: «Мне! А что у меня болит?! Я тоже хочу». Такой шум подняли, что декан факультета зашла. Ну, ты знаешь, как всегда откашлялась, очки свои огромные на носу поправила, и проскрипела: « Так, что за балаган?» А когда узнала, в чём тут дело, сама на стол взгромоздилась, как только столешница эту тушу выдержала?

Раздражение закипало во мне медленно, вкрадчиво, но не менее гадко. Оно бурлило, пузырилось, словно болотная жижа. Я даже ощутила на языке привкус гнили. Чёрт! Дашка лежала на этом проклятом столе, а он, не стол разумеется, а Хальвар, будь он неладен, держал её запястье, клал руку на грудь... Ей, клал, не мне, в тот момент, когда я сидела здесь, в туалете, вдыхая запахи хлорки, мыла и мочи и наматывала сопли на кулак.

От воспоминаний о большой горячей ладони, соски под кофточкой затвердели. Тьфу! Да что же это со мной? Гормоны взбесились? К врачу что ли сходить?

– Ты же не любишь вампиров, – заметила я. – Какого чёрта

тогда восхищаешься их магическими штучками?

– Их никто не любит, – беспечно отмахнулась Дашка. – Вот только от нашей любви или нелюбви они, к сожалению, не исчезнут. Так почему бы тогда не взять от них что-то для своей пользы, верно?

Подруга говорила ещё о чём-то, но я уже даже не делала вид, что слушаю. Меня грызло гадкое предчувствие неминуемой беды и ревность.

– Смотри! – вскрикнула Дашка, указывая на потолок.

Я подняла глаза и увидела, как сверху, прямо ко мне планирует огонёк, в форме листа яблони. Яблоня – герб нашей страны, символ королевской власти. Вампиры, во главе с королём, вообще помешаны на яблонях, кругом их насажали. А яблочный сок как любят, второй напиток после крови.

И вот теперь, листочек, красивый, ажурный, сотканный из пламени двигался ко мне. Чтобы врезаться в кожу постыдным клеймом штрафника.

– Закатай рукав! – крикнула Дашка, наученная горьким опытом собственного штрафа. – А то на лоб упадёт!

Я, немедленно, последовала её совету, и тут же, на моё предплечье опустилось это огненное чудо. Боли, как не странно, не было, лишь лёгкое ощущение тепла и покалывания.

Глава 5

– Я не виновата! Не виновата! Мне было не на что его кормить!

Крик рвал душу, от него хотелось бежать прочь, заткнув уши. Чей— то жёсткий голос, показавшийся мне знакомым, отвечал, что-то объяснял, но женские всхлипывания и мольбы продолжали звучать.

— О, Властитель вселенной, — вздохнула старушка, вытирая пот с морщинистого лба. — Дурочка молодая, неужели не знает, что рыжий не пощадит.

— Ну и правильно, — вмешался бородатый дядька в за-саленной куртке.— Поделом ей, мерзавке. Это ж надо, собственного ребёнка отравить, а потом ещё два дня смотреть, как он умирает.

— Всю выкачают, до последней капли, — констатировал другой мужик, с синяком под глазом.

И было сразу видно, что на дальнейшую судьбу кричащей девушки ему наплевать. Мужiku хотелось опохмелиться, о чём свидетельствовал тремор рук и зеленоватый оттенок кожи.

Голые, ослепительно— белые стены, яркий холодный свет круглых лампочек на потолке, резкий запах больницы и очередь в коридоре наводили уныние, заставляли испытывать смутную тревогу. Ну, а вопли девчонки откровенно пугали. Мы, все находящиеся в этом коридоре, в ловушке, из которой не выбраться. Каждый из нас войдёт в эту дверь, ляжет на жёсткую кушетку и будет вот так кричать и плакать. Интересно, о чём думала эта девушка, когда летела по городу в прозрачной сфере. Любовалась ли она клумбами и фонта-

нами? Наслаждалась ли видами ещё зелёных, благодаря вампирской магии, деревьев? Восхищалась ли пряничными домиками вампиров? А может, она сидела, закрыв глаза, в ожидании своей участи, понимая, что сегодня её жизнь оборвётся?

– Мне присудили 750 миллилитров, – неожиданно заговорил долговязый очкастый парень в джинсовой куртке.

– Это чего такого ты натворил, сыночек?– вступила в разговор старушка.

– Да на зелёный свет поехал.

Парень считал своё наказание несправедливым, о чём свидетельствовало коричневое облако обиды с красными прожилками бессильной ярости.

– А не хрен правила нарушать, – зло усмехнулся мужик с бородой. – Давайте все вместе на зелёный гнать и детей своих убивать. Что тогда на планете настанет? Бардак, вот что!

– А ты тогда чего тут забыл, брат, раз такой законопослушный?– процедил синяк.

– На медсестру в больнице наорал. А она возьми да пожалуйся вампирам.

– А я обвесила одного дурочка, – решила поделиться своей историей старушка. – Даже не думала, что этот малохолерный...

– А зря, мать не думала, зря.

Синяк рыгнул, от чего в узком пространстве коридора тошнотворно завоняло перегаром и гнилой капустой.

Белизна и пустота стен раздражали, от духоты начинала болеть голова. Нестерпимо захотелось на воздух.

Узнав о штрафе, отец ругался, но не столь сильно, как я могла ожидать. Причём, ругался, к огромному счастью, не на меня, а на вампиров, но посоветовал, отправиться в центр забора крови самостоятельно, не дожидаясь, когда за мной придут.

Город Корни, как и все другие города нашего государства, включая столицу, делился на две половины, человеческую и вампирскую. И если человеческая половина была сплошь застроена кирпичными и панельными домами различной высоты, а по дорогам сновали автомобили, то вампирская больше походила на картинку из детской книжки о гномах и принцессах. Милые одноэтажные и двухэтажные домики с разноцветными крышами были расположены на значительном отдалении друг от друга. Магия стихий не терпит тесного соседства. Улицы утопали в цветах. Разные, яркие и нежные, мелкие и огромные, они были кругом. Росли на клумбах, обвивали стволы деревьев, плавали в небольших прудиках. Как следствие, пахло в городе не бензином, а травой, водой и цветами. Прохожие скользили над землёй или парили в воздухе, от чего казались счастливыми и беззаботными. Хотя, наверное, у вампиров тоже есть свои проблемы. За всем этим я наблюдала из прозрачной сферы, несущей меня к Центру забора крови. Эти круглые летающие шарики, созданные магами воздуха из какого-то тонкого, но прочного

материала, были единственным транспортным средством в вампирской части города. Их изобрели специально для людей, живущих с вампирами в качестве источников и гостей города— штрафников вроде меня.

— А тебе, деточка, сколько присудили?— участливо поинтересовалась старушка.

— Триста миллилитров, — машинально ответила я. Нет, сдавать кровь я ничуть не боялась. Просто хотело, чтобы всё это поскорее закончилось. Сидеть в коридоре было неприятно, да и мысль о том, что я пропускаю лекции, совершенно не радовала.

— Мало, — отозвался бородатый. — Небось, в школе на перилах каталась или на уроке конфеты ела.

Мужик сухо и натужно засмеялся, предлагая окружающим присоединиться, но никто его не поддержал, и смех быстро затух. Я, как можно злее, посмотрела на противного мужичонку. Ну вот, опять меня приняли за школьницу! Надоело!

— Не бойся, деточка, — продолжал мужик. — Кровь отдавать не страшно. Страшно другое — эмоционалка.

— Это точно, — живо подхватил синяк. — Не впервой тут оказываюсь. — После неё, такое ощущение, словно тебя наизнанку вывернули. А рыжий гад не жалеет никого. Вон, слышите, девка уже не орёт? Он с начала тебя психологически вымотает, а потом отправляет на выкачку крови.

Страх постепенно стал подкрадываться. А я ещё горди-

лась собой, своей смелостью. Удивлялась, что же так напугало мою Дашку?

– А зачем? – выдавила я из себя. – Для чего им это делать?

– Вот колхоз! – раздражённо выплюнул очкарик. – Им твой адреналин нужен, или кортизол. Для них наша кровь без достаточной концентрации гормонов, что для нас водка без спирта.

Дверь распахнулась, и в коридор выехала каталка. Под белой простынёй лежало мёртвое тело. То, что девушка мертва, не оставалось никаких сомнений. И, если люди, сидящие в коридоре, шёпотом спорили, строили предположения, то мне сразу стало ясно, что жизни в теле больше нет, нет того огня, присущего всем живым. От тела исходил могильный холод и тьма, непроглядная, безликая, пустая и гулкая.

– Следующий, – не терпящим возражения тоном, произнёс голос, и спина моя покрылась мурашками. Я бы узнала этот баритон из тысячи, густой и глубокий, тёплый, но твёрдый.

Парень в джинсовой куртке, мгновенно растеряв свою уверенность и надменность, на негнущихся коленях направился к кабинету.

Через несколько секунд, после того, как дверь за джинсовой спиной захлопнулась, раздался нечеловеческий крик. Парень орал, и крик его напоминал предсмертные муки раненного зверя. Я почувствовала, как съеденный завтрак запросился наружу, а сердце заколотилось, в тщетной попытке

покинуть грудную клетку.

– Да что же это происходит?– лихорадочно билось в мозгу. – Почему мы сидим и слушаем, как там, за стеной издеваются над человеком? Почему мы позволяем пить нас, потрошить наши души? По какому такому праву они решают, правы мы или виноваты? По их мнению, мы– существа второго сорта, не способные сами разобраться в наших проблемах? За крупные преступление– смерть, за глупую детскую провинность– штраф, выплачивая который, тоже можешь лишиться жизни. Послушание и смирение нас не спасут от кровавых монстров. Ведь чем покорнее мы будем, тем жестче будут законы.

– Простите! Пожалуйста! – орал парень. – Не надо! Мне больно!

Как человек, терпящий насилие, я точно знала, что «пожалуйста» и «не надо», не действуют. Напротив, они ещё больше распаляют мучителей. Им, мучителям, доставляют удовольствие унижения жертвы. Ненавижу!

Внезапно вспомнился Гавриков. Жив ли он? Может, когда всё закончится, попробовать найти его, раз уж я всё равно здесь? Властитель вселенной, а ведь он учился с нами, угощал пивом, звал в свой дом, и, вообще, был неплохим парнем, и мог бы стать, наверное, хорошим врачом. Но вместо того, чтобы посещать лекции, целоваться с девушками, ходить на танцы и помогать отцу в гараже, он кормит каких – то кровососов...

Открылась дверь, прервав мои возмущённые мысли. Парень, уже без очков, с трудом добрался до скамейки и тут же рухнул на неё.

– Твою ж мать, – прошептал он бескровными синими губами, подавляя рвотные позывы. Я, предусмотрительно, отодвинулась подальше. – Суки.

Парень был готов разреветься в голос, от чего выглядел ещё более жалким. Теперь я не просто испытывала страх, нет. Он растёкся внутри меня, разлился по венам, опутал нервные волокна, застыл в мышцах. Если уж мужики так вопят, войдя в этот проклятый кабинет, что же буду делать я, хрупкая, слабая, выглядящая моложе своих лет?

– Следующий! – раздалось за дверью, и я с усилием делая каждый шаг, поплелась к двери.

Страшный кабинет, на первый взгляд, ничем не отличался от обычного процедурного кабинета в обыкновенной больнице. Кафельные стены, отмытые до блеска, низкая кушетка, застеленная клеёнкой, стол, девушка в белом халате.

– Солнечного дня тебе, студентка Кристина, – мягко произнесла вампириша. – Ложись, пожалуйста.

Чёрт! Она всем так мило улыбается, прежде чем начать высасывать кровь?

Я легла, устремив глаза к белоснежному, как и всё в этом проклятом месте, потолку.

Послышались шаги, и надо мной склонился Хальвар – мой препод, собственной персоной.

– Здравствуй, Алёшина, – произнёс он, а по губам скользнула злорадная улыбочка. – Не ожидала?

– А вы в свободное от работы время любите над людьми поиздеваться?– не удержалась я от колкости. Да. Было страшно. Вот только молить о пощаде я не стану, по крайней мере, мне хотелось в это верить.

– Нет, Алёшина, – теперь вампир потешался открыто. – В свободное от работы время, я преподаю в институте таким балбесам, как ты.

– И как же называется ваша должность, «главный садист» или «палач– беспредельщик»?

Зубы стучали, горло перехватывала холодной рукой, и мне с трудом удавалось произносить то, что я произносила. Но лучше дерзить, чем униженно просить о снисхождении.

– Кристина, – вампир внимательно и серьёзно посмотрел на меня, ни дать ни взять, строгий, но справедливый учитель, словно и не пытал пять минут назад человека. – Давай поскорее закончим со всем этим, ты подождёшь меня в комнате отдыха, и мы с тобой поговорим. Я отвечу на все твои вопросы, хорошо? И разве ты не поняла, почему оказалась здесь? Разве не ты оскорбила лицо, выполняющее свои функциональные обязанности? А, может ты ждала снисхождения, Кристина?

– Дождёшься от вас, – буркнула я, отворачивая голову от его пронзительного золотистого взгляда. А ведь были подобные мыслишки. Стало стыдно за собственную наивность. С

чего я, вообще взяла, что имею для него какое-то особенное значение? Что именно меня он простит.

– Получив снисхождение, ты бы продолжила совершать подобное ещё и ещё раз, не так ли? Но теперь, побывав здесь, задумаешься, и в схожей ситуации поступишь иначе.

С этими словами вампир взял мои заледеневшие пальцы, заключил в своей огромной ладони, крепко сжал.

– Холодная какая, – проговорил Хальвар, и тут же, по велению побегало тепло, разгоняя страх, заставляя расслабиться.

– Агда! – позвал вампир свою помощницу. – Заказ № 246.

В вену вонзилась игла, а препод запел. От звуков его голоса хотелось взмыть высоко в небо, хотелось обнять весь мир. Легко и светло стало на душе, а все мои страхи, сомнения и опасения показались глупыми и мелкими. Скоро, совсем скоро я выйду из этой комнаты и отправлюсь на прогулку по чудесному вампирскому городу. Прозрачная сфера понесёт меня мимо цветущих деревьев, над прудами с гигантскими кувшинками, будет проносить сквозь шипящие пушистые фонтаны. Я отыщу Гаврикова, мы поболтаем, передам ему привет от однокурсников...

– Вот и всё, – улыбнулась мне вампирша, помогая встать с кушетки.

Я, в приподнятом настроении, направилась к двери. Здесь мне больше делать нечего! Солнышко светит, птички поют, цветочки благоухают. Глупо сидеть в четырёх стенах в такой

чудесный день.

– Кристина, – окликнул меня Хальвар у самой двери. – Дождись меня в комнате отдыха, не уходи никуда.

Я кивнула, чтобы он отстал. Разумеется, сидеть и ждать вампира в стенах Центра забора крови, мне совершенно не хотелось. Штраф заплатила и будет. Больше я кровососам ничего не должна.

– До следующего нарушения незыблемых правил, – хихикнула гиена.

– А мы их нарушать и не будем, – ответила я животине. – Ну, если только совсем немножко.

Люди, продолжающие сидеть в коридоре, в ожидании своего наказания, удивлённо смотрели мне в след. То, что я не кричала, показалось им странным. Наверняка, они сочли меня смелой и сильной личностью, умеющей держать свои чувства под контролем. Я даже, на короткое мгновение, успела увидеть оранжевую вспышку гордости за меня, со стороны старушки. Я сама себе напомнила школьницу, впервые побывавшую у гинеколога, но не севшую на кресло. Сегодня мне повезло, скорее всего заказчику требовались эндарфины в огромном количестве. Но повезёт ли в следующий раз? Да и триста миллилитров, не такая уж большая потеря для молодого организма. А если потребуют шестьсот, или восемьсот, каково будет моё самочувствие тогда?

* * *

– Не всё так плохо, как можно себе представить, – гово-

рил Гавриков, прихлёбывая из кружки золотистое пиво под пушистой белой шапкой пены. – По крайней мере, пиво пить не запрещают, разумеется, если в этот день кровь не берут. Вампирский сынок – классный чувак. Мы с ним, оказывается, за одну и ту же футбольную команду болеем. Вчера вот, на человеческую дискотеку ходили, девочек клеить. Знаешь, он обещал меня вампирской магии обучить. Говорят, вы девки, постоянно волшебства ждёте.

На первый взгляд, Костя производил впечатление довольного жизнью человека, беспечного и весёлого. Но бледно-сизые волны тревоги, периодически исходившие от него, настораживали. Бывший однокурсник храбрился, но его тревожное состояние постепенно передавалось и мне, от чего с каждой минутой становилось неудобно.

– Вот, смотри, – с этими словами Гавриков вытащил из кармана телефон и принялся что-то в нём искать, нажимая пальцами на кнопки. От меня не укрылось, как мелко подрагивают концевые фаланги, как кнопки телефона становятся мокрыми от вспотевших ладоней. – Это мы с Харвальдом, а это мы с Риткой и Наташкой в кафе сидим. А здесь мы на Далерских островах. Там такая красотища! Море тёплое, чайки кричат, кругом зелень, цветы.

– А кровь часто берут? – спросила я и тут же пожалела об этом, так как Гавриков резко побледнел.

– Раз в неделю, – выдавил из себя парень, сморщившись, как от зубной боли. – Давай не будем об этом, Крысь, ладно?

Лучше расскажи, как там наши?

И я принялась рассказывать о лекциях и семинарах, о Юльке и Женьке, ну, и конечно о том, как послала препода.

А вокруг бушевали последние тёплые дни. Да, вампирам, с помощью магии удаётся отсрочить холода, но даже их магия беспомощна против сил природы. Скоро увянут цветы, пожелтеют деревья, как давно уже произошло на нашей половине города, а пруды подёрнутся серой холодной рябью. Мы сидели под раскидистым клёном в уличном кафе, каждый столик которого окружало пёстрое кольцо из благоухающих цветов. От фонтана, что бил неподалёку, долетали мелкие брызги. Фруктовое мороженное было вкусным, лопалось на языке множеством кисловатых пузырьков.

– Я очень рад тебя видеть, Крысь, правда, – сказал, наконец, Гавриков.

Он мог и не говорить об этом, радость встречи, такую лёгкую, серебристую, едва заметную, я успела уловить сразу же, как он ко мне подошёл.

– Здесь, вообще, много людей? – спросила я, смущаясь от сделанного Костей признания. Учась на одном факультете, каждый день сталкиваясь в аудитории, мы могли ни разу не взглянуть друг на друга. А на вампирской половине, словно на другой планете, любое знакомое лицо кажется родным.

– Меньше чем вампиров, конечно, – Гавриков в задумчивости почесал затылок. – Но нашего брата тоже хватает. Почти каждая вампирская семья имеет источника.

— А на кой чёрт кровь со штрафников берут?

— Ну, знаешь, — невесело рассмеялся парень. — Мы — люди, существа хрупкие. Блин, Крысь, только живя с вампирами, я понял, насколько мы слабые, как легко лишить нас жизни. И если вампирюги будут высасывать из нас кровь, столько, сколько им нужно на самом деле, они выпьют своего источника за два дня. Одного человечка им мало. По тому и придуманы Центры забора крови.

Весь день я провела в компании Костика. Мы бродили по улицам, кормили уток, плавающих в прудах, разглядывали пряничные домики, нежно— розовые и лазурно— голубые, оранжевые, словно апельсины, и лимонно— жёлтые, утопающие в густых зелёных зарослях и окружённые пожаром алых маков.

А когда на город опустился вечер, окутывая синевой, окружающие предметы, в воздухе зажглись светящиеся шары. Они, лёгкие, юркие разноцветные сновали повсюду, стараясь отвоевать у вечернего сумрака каждый уголок улицы. Крупные, размером со спелый арбуз, и мелкие, словно ягода смородины, шарики были повсюду, кружили над верхушками деревьев, скользили по водной глади, танцевали на чашечках цветов, прыгали по крышам, садились на плечи прохожим, катились по, вымощенным красной плиткой, дорожкам.

Домой, к отцу уезжать не хотелось. Мне не часто удавалось вот так свободно гулять, не думая о взбучке, ожида-

ющей меня по возвращению. Вампирская сторона манила, дразнила запахами и красками, завораживала своей пёстрой красотой.

– Ты приезжай, Крыська, – махнул мне на прощание рукой Гавриков, когда мы с ним подошли к стоянке с прозрачными сферами. – Я очень скучаю по нашей группе. Привет всем там передавай.

С Костиком прощаться, было жаль. При всей своей неряшливости и бестолковости, он оказался довольно неплохим парнем. С ним я ни разу за этот день не задумалась над тем, а правильно ли я говорю, а хорошо ли я выгляжу, а не сделала ли какую–нибудь глупость? Вполне возможно, в моей студенческой группе много довольно неплохих ребят и девчонок, но отец никогда и низа что не позволит мне об этом узнать. Ведь я должна принадлежать ему и только ему. Жить, как живёт он, думать, как думает он, любить то, что любит он.

В свете множества горящих шаров, стенки сфер казались радужными. Но не успела я сделать шаг к одной из них, как на плечо мне легла горячая ладонь.

– Нагулялась? – раздался знакомый голос за спиной.

Я обернулась. Хальвар улыбался светло, солнечно, жёлтый янтарь его глаз согревал, заставлял плавиться.

Я сбросила руку, так уютно устроившуюся на моём плече, прогоняя наваждение. Вампиры–огневики, умеющие работать с энергиями, при должном мастерстве, могут всё, за-

ставить дрожать от страха, вызвать радость, рассмешить до слёз. К чему он меня гипнотизирует? Что ему от меня надо? Штраф я заплатила, посылать больше не стану, даже на лекции ходить буду исправно.

– Просил же подождать меня немного, – с досадой вздохнул преподаватель. А голос грустный– грустный, добрый– добрый, прямо так и хочется обнять и пожалеть. Фигушки! Не дождёшься! Не прокатят твои вампирские штучки!

– Мне нужно домой, – ответила я, и тут же поняла, как не хочется встречаться с отцом, сидеть напротив него на кухне, слушая его нравоучения. Спёртый воздух комнаты пропахший отцовским потом и сигаретным дымом, раскрытый учебник, часы, ехидно отсчитывающие минуты, ежевечерняя проверка моего телефона. Жирные пальцы вдавливают кнопки, губы шевелятся, прочитывая имена абонентов:

– Дашка, папочка, Дашка, папочка, Лена– староста. А это кто?

Надо бы стереть входящий от Гаврикова, а не то вновь услышу многочасовую лекцию о вонючих пенисах и боли, которую они причиняют.

Вампир тут же уловил мой эмоциональный настрой, так как обхватив меня за талию поднялся в воздух. Стайка разноцветных шариков бросилась в рассыпную.

Я, как следствие, завизжала, попыталась вырваться, но меня сжали ещё сильнее.

– Очень неразумно с твоей стороны, – зашептал в самое

уху вампир. – А если я не удержу, и ты упадёшь?

Он был прав, радужные сферы и огромная, словно таз со свекольным салатом клумба, остались далеко внизу. Мы же парили в прозрачной вечерней сентябрьской синеве, разгоняя светящиеся шары, нахально пытающиеся нас окружить, сесть на голову, прокатиться по спине. От полёта захватило дух, все мысли выветрились, потоки воздуха били в лицо, и я, зажмурившись, позволила ветру ласкать свои разгорячённые щёки, растрепать волосы. Руки Хальвара держали меня крепко, и я доверяла этим рукам, откуда-то зная, что они не уронят, не предадут, не причинят вреда.

– А почему вы на нашей стороне не летаете?– спросила я, стараясь перекричать свист ветра.

– Летать – скучно, хотя, если я тороплюсь, то делаю это и на вашей стороне. Но у вас мне больше нравится использовать машины, это довольно интересно, управлять грудой железа без использования магии.

От вампира исходил едва уловимый запах костра, свежей древесины и высушенной на солнце травы. И этот запах дурманил, кружил голову, пьянил.

– Что вам нужно от меня?– с трудом формулируя вопрос спросила я, пытаясь удержать последние остатки благоразумия. Лёгкость в теле и голове, желание, как можно теснее прижаться к вампиру, утонуть в его запахе, не давали сосредоточиться, мешали, как следует испугаться. Да, я боялась, но отнюдь не того, чего нужно бояться. Я страшилась, вот

дура— то, что полёт закончится, что крепкие руки отпустят меня, что всё происходящее окажется сном.

— Просто хочу показать тебе вечерний город, ты же у нас никогда не была?

Вампир куснул меня за мочку уха, от чего странно, но стыдно, заныло внизу живота, а тело покрылось мурашками.

— Не доводилось,— вяло огрызнулась я.— До этого времени как-то обходилось без штрафов. Вот нужны вам были мои триста миллилитров. Насытились? Животы не трещат?

Нужно было немедленно избавиться от сладкого ощущения, в котором на данный момент прибывало моё тело, от мурашек ожидание чего-то непонятного, от желания раствориться в этом мужчине. Тьфу! Да что это со мной! Наверняка, очередные вампирские выкрутасы!

— Ещё слово, и получишь второй, понятно тебе? — равнодушно проговорил преподаватель и нырнул в гущу резвящихся шаров.

Нас закружило в сияющем разноцветье. Голубые и зелёные, жёлтые и красные, фиолетовые и розовые. Они прыгали, тёрлись о кожу своими тёплыми боками.

Внизу, под нами всеми цветами радуги переливался фонтан, обдавая прохожих мириадами брызг. Скользя над клумбой, лишь слегка задевая лепестки подолами юбок, танцевало несколько вампирских девушек. Кружась в танце, словно стайка пестрокрылых бабочек, они пели, протягивая к небу раскрытые ладони, на которых подпрыгивали, корча умиль-

ные рожицы, зверушки. У той, что в красном, на ладошке скакал огненный пёс, та, что в серебристом, держала пузатую полупрозрачную сову, сотканную из нагретого воздуха. Вампириша в голубом протягивала к небу змейку, собранную из сверкающих капелек воды, а девица в зелёном – демонстрировала крота.

– Лови! – крикнул нам, пролетающий мимо, чернявый вампир, и в нашу сторону полетело огромное красное яблоко.

Хальвар, отцепив одну руку от моей талии, поймал снаряд на лету, и предложил мне.

– Кусай, Кристина, тебя угостили.

Я послушно вонзила зубы в сочный сладкий плод. Яблоко оказалось чертовски вкусным, и я, стыд –то какой, не осталась, пока не доела его полностью, под таинственно–насмешливым взглядом преподавателя, из его рук!

– Поздравляю тебя, – ехидно усмехнулся Хальвар, видя, как мои щёки начинают пылать от смущения. – Ты съела яблоко судьбы из моих рук.

– И что это значит?

– А это, глупая девочка, значит то, что теперь мы связаны судьбой.

– Так оно и есть, – проворчала я, начиная приходить в себя. – Мне предназначено судьбой терпеть вас и вашу энергоотдачу все годы обучения в институте. Судьба, ничего не поделаешь!

– Нет! – расхохотался вампир. – Яблоко, подаренное молодой девушке магом земли в праздник всех стихий, символизирует семейные узы и рождение ребёнка.

– А сегодня праздник всех стихий? – спросила я, стараясь уйти от щекотливой темы.

– Да, по этому я и пригласил тебя на вампирскую сторону именно сегодня. Хотел, чтобы ты увидела, как здесь красиво, и как гуляет наш народ по праздникам.

Я хотела спросить, для чего ему это нужно, но вовремя прикусила язык. У вампиров свои причуды.

Никогда в жизни мне не было так легко, так беззаботно и весело. Всегда, сколько я себя помню, в разгар редкого веселья закрадывалась мысль об отце: «А правильно я поступаю? А что бы сказал папа», «Только бы не появился отец, ведь он всё испортит». Как правило, мои опасения с точностью сбывались, он появлялся и портил. В школьные годы мы с Дашкой могли сидеть в её комнате, читать, болтать или слушать музыку. Но раздавался дверной звонок, и на пороге Дашкиной квартиры возникал отец. О нет, он никогда не орал на меня в присутствии других людей. Ему доставляло удовольствие унижать меня перед ними, растаптывать моё чувство собственного достоинства, мешая его с грязной землёй.

– Кристина, – нежно увещевал он. – Идём домой.

Я, на деревянных ногах, предчувствуя подвох, приближалась к нему. Папочка гладил меня по голове, целовал в щёч-

ку. Царапая колючей щетиной и, извиняющимся тоном, обращался к родителям Дашки:

– Простите, вам, наверное, надоел мой ребёнок? Мы уже уходим.

Мама и папа подруги тут же начинали переубеждать тирана в том, что всё просто замечательно, и они всегда рады видеть меня в своём доме.

– Вы так добры! – восклицал отец. – Моя дочь может быть такой навязчивой. Я воспитываю её один, и не всегда справляюсь.

Дальше шли жалобы на мой несносный характер, постоянные капризы и требования. Да, со мной очень сложно, но он справляется по мере сил. Нет, он не в коем случае не жалуется, ведь дочь – самое дорогое, что у него есть.

Вернувшись домой, отец разваливался в кресле, и Юрий–жертва превращался в Юрия– мизантропа.

– И не стыдно тебе пропадать у этих идиотов целый день?– вопрошал он. – Находясь в компании поварихи и сантехника, ты предаёшь собственного отца! Неужели тебе интереснее с ними, чем со мной? А кто тебя кормит? Кто одевает? В чьём доме ты живёшь, неблагодарная свинья?

Но сегодня, мысль о папочке ни разу не посетила меня, так же, как и опасение, что он явится за мной.

А вампирский праздник набирал обороты. Вино в огромных бочках, яблочное желе, мороженное, сладкая вата и, разумеется, шашлык. Танцы и спортивно– магические сорев-

нования, в которых Хальвар решил принять самое активное участие.

Мы прыгали сквозь водяные, постоянно сплетающиеся между собой, струи, убегали от бешеной лианы, а та, упругая, гибкая и юркая, бросалась в след то за одной, то за другой вампирской парой, пытаясь догнать. В итоге наша пара победила. В подарок нам дали огромную корзину красной душистой клубники.

Биться с огненным чудовищем Хальвар пошёл один, Я кричала вместе с толпой, подбадривая и давая, совершенно нелепые и ненужные советы, пока преподаватель, гонял по сцене пылающую химеру. Чудище скалилось, плевалось огнём, прыгало, распугивая стоящих в первых рядах зевак. Наконец, Хальвар победил, получив в качестве награды фигурку собаки, сделанную из огня. Прыгнув в толпу, с видом великого героя. Толпа восторженно зааплодировала. Хальвар торжественно протянул пёсика мне.

Я дотронулась до фигурки, и тут же отдёрнула пальцы, вызвав смешки у рядом стоящих вампиров. Подарок оказался слишком горячим.

– Ничего, – успокоил преподаватель. – Я что–нибудь придумаю, и ты сможешь брать его в руки.

Собачка сучила лапками и смешно шевелила ушами.

– Вот бы Дашке показать, – подумалось мне. – То-то она удивится!

Глава 6

Ветви яблонь, облитые жидким, голубоватым лунным светом, покачивались от дуновения ветра, царапая по стеклу. В приоткрытое окно втекал густой аромат созревших яблок, дыма и наступившей осени.

– Помой и нарежь, – скомандовал преподаватель, вывалив передо мной несколько грязных корнеплодов.

– А маги с этим делом уже не справляются? – усмехнулась я, не без брезгливости, беря в руки картошку, облепленную землёй.

– К чему тратить свой магический ресурс, когда у меня в гостях умненькая человеческая девочка, – осклабился вампир. – Пойду, разведу огонь. Будем варить суп на костре. Мы – маги огня, знаешь ли, непревзойдённые повара.

С этими словами, Хальвар вышел на улицу, а я осталась в компании грязной моркови, картофеля и лука. В траве шуршали ежи и ящерицы, несколько огненных шаров освещало небольшую комнатку, обставленную довольно аскетично. Стол, диван, шкафчик со всякой кухонной утварью, огромная печь во всю стену, из человеческой техники, лишь холодильник, гудящий в углу – вот и всё убранство. Я не сомневалась, что и в двух других комнатах этого дома, царит такой же минимализм.

Найдя в шкафу разделочную доску и нож, я принялась за работу. Руки не слушались, вредные овощи то и дело норовили упасть. Несколько раз мне пришлось наклониться за картофеленой, которая в суп, явно попадать не желала, и пы-

таясь избежать этой участи, стремилась укатиться как можно дальше.

Мысли об отце накатили, подобно морской волне. Мурашки страха пробежали вдоль позвоночника, а горло перехватило железной рукой.

Наверняка на моём мобильном сотня входящих от разгневанного родителя. Да, на вампирской стороне можно задержаться на целый день, и отец легко допускал это. Ведь в Центре забора крови всегда огромные очереди, к тому же, донору во время процедуры, может стать плохо, и тогда, он отправлялся в комнату восстановления на несколько часов. Легенда о толпе штрафников и о моём плохом самочувствии, по вине которого, вампиры оставили меня в Центре на пять часов, была готова. Но как я объясню своё пребывание на вампирской стороне ночью? Да и что, собственно, я здесь делаю? Эйфория и беспечная бесшабашность, в которой я пребывала всё это время, стремительно таяла, как пломбир под лучами солнца, а на их смену подступали страх, вина и ощущение чего-то недоброго – мои вечные спутники.

– Ночь. Мы на вампирской стороне, наедине с вампиром, – зловеще зашептала гиена. – Где были твои мозги? Нас же сейчас сожрут и не подавятся? Эх, Крыська, нашла ты себе приключение на задницу!

– А где была ты? – огрызнулась я. – Почему не остановила? Почему позволила улететь с ним, к нему домой?

Теперь всё вокруг казалось угрожающим, шелест листвы,

мертвенная голубизна луны, свет огненных шаров, громада холодной печи и даже, нож в моих руках.

Кто страшнее, кого сильнее стоит бояться разъярённого отца или кровожадного вампира? Руки механически чистили и резали, а мысли, метались безумными птицами.

– Долго ещё?

Вампир возник на пороге с куском сырого мяса в руках. И это мясо настолько напугало меня, что я вздрогнула, полоснув себя по пальцу лезвием ножа. Боль обожгла, а на глазах набухли слёзы. И сквозь эту пелену я увидела, как Хальвар осторожно опускает мясо на стол, как медленно подходит ко мне.

– Не надо, – шепчу я, продолжая сжимать нож. – Не подходите! Иначе сейчас...

Лицо вампира расплывается, и я не могу понять, улыбается ли он или скалится, перед тем, как вонзить клыки в раненную руку.

– Не жадничай, – шепчет он, опускаясь передо мной на колени. – Я возьму только то, что само течёт.

Тёплые губы касаются моей руки, язык скользит по коже. Внизу живота скручивается комок, по телу бегут сладкие горячие волны. Я тону в золоте миндалевидных глаз, погружаюсь в облако запахов лета, костра, солнца, свежего дерева и сухой травы.

Откуда– то появляется пластырь, и горячие пальцы дотрагиваются до моей руки, заклеивая ранку. Хальвар близ-

ко, невообразимо близко, но мне этого мало. Хочу слиться с ним, погрузиться в него...

– Вот скажи мне, Кристина, – спросил он, разорвав паутину дурмана. – Чего ты так испугалась?

– Просто уже ночь, – не успев отойти от наваждения, начала лепетать я. – А я тут, у вас.

– Слушай, глупый ты ребёнок, – вампир уселся напротив меня, беря в руки нож. – Ты только вампирам так не доверяешь, или людям тоже? Ты – моя ученица, впервые оказалась здесь в праздник всех стихий. И я, как твой наставник, решил просто показать тебе и город, и городские гуляния. И, так как ночью ехать домой довольно опасно, несмотря на жёсткий порядок, решил предложить тебе поужинать и переночевать. Что в этом плохого?

– Ничего плохого, конечно, – выдавила я из себя, отчаянно краснея. Теперь моё поведение мне и самой казалось дурацким. – Просто как-то неоднозначно. Люди могут подумать...

– У глупых людей, всегда будут глупые мысли, у злых – злые, у гадких – гадкие, что бы ты не делала, и как бы не старалась быть для всех хорошей. По тому, делай то, что считаешь нужным, живи так, как умеешь, и оставайся собой. А за свою кровь не беспокойся, я себя очень хорошо контролирую. Не даром, именно меня выбрали вам в преподаватели.

Руки Хальвара работали ловко, в отличии от моих. Картофельная кожа, ажурно скручиваясь, падала в мусорное

ведро. И если не глядеть в глаза и не вдыхать глубоко, если опустить то, что сейчас он слизывал кровь с моей руки, его можно было бы принять за обычного парня, студента— старшекурсника или молодого специалиста.

— А сколько вам лет? — внезапно вырвалось у меня, хотя спрашивать об этом не собиралась.

— Триста сорок, — преподаватель поднял на меня насмешливые глаза. — Не слишком много, по вампирским меркам. И давай так, Кристин, раз уж ты в моём доме, лучше перейти на «Ты».

— Я не привыкла тыкать преподавателям.

О! И вновь эта лучезарная улыбка, от которой мир вспыхивает яркими красками и возникает ощущение, словно солнце и луну со всеми звёздами вместе взятыми, зажгли именно для тебя.

— Называя меня Хальваром, ты уже выказываешь своё уважение. Это имя для учеников и подчинённых. Для друзей и родных я— Алрик.

— А для начальства. Ведь и у вас оно тоже имеется, наверное?

— Куда без него— родимого? Есть конечно. И для него, я— Хенрик. Первое имя вампиру даёт мать, оно для близкого окружения, вторым— награждает наставник, оно для тех, кто выше статусом. А третьим— нарекают в храме в день совершеннолетия. И с тех пор тот, кто ниже по положению должен обращаться к вампиру так, и никак иначе. Всеми тремя

именами называет лишь король и служители храма.

– А почему вы не провели электричество, пользуетесь шарами, печью?

– Я не любитель человеческих штук, хотя, признаюсь тебе, некоторые из ваших изобретений, мне интересны. Например, машины, или вот– холодильник. Вещь очень нужная в хозяйстве.

При упоминании холодильника, перед моими глазами тут же возник образ отца. Как он, шлёпая голыми пятками по линолеуму, направляется на кухню.

Сейчас он, наверняка, бродит по квартире, словно зверь, запертый в клетке, злиться, обрушивая проклятия на мою голову. А утром, стоит мне появиться, вся его ярость, выдержанная, пропитанная раздражением и обидой, выпестованная, падёт на меня. Никогда мне не доводилось ночевать вне дома. Страх перед неминуемым наказанием, едкая вина и желание оказаться в привычной, пусть опостылевшей, но всё же родной обстановке своей комнаты, смешались в единый коктейль с тухловатым привкусом.

Вытащив из сумки телефон, я с мрачным удовлетворением, убедилась в своей правоте. Отец мне звонил каждые пятнадцать минут. Так же высветилось несколько сообщений.

– Кристина! – кричали взбешённые буквы на оранжевом фоне экрана. – Немедленно возьми трубку!

– Кристина! Если ты не ответишь, пеняй на себя!

– Ты доигралась, Кристина! Ты поймёшь, что такое ад, я

тебе это обещаю!

По телу вкрадчиво разлилась слабость, дрожащие руки выронили телефон. Мир потемнел, словно подёрнулся серой дымкой.

– Ад? – усмехнулся вампир, поднимая с пола телефон. – Думаю, мне необходимо вмешаться.

– Не надо, – вскочила я, в попытке отобрать трубку. – Это лишь наши с отцом дела.

– Как зовут твоего папу? – не слушая меня, спросил вампир, бессовестно роясь в телефонной книге.

– Юрий Андреевич, – едва слышно прошелестела я, готовясь к самому худшему.

Вмешательство постороннего, а уж тем более, если это ещё и вампир, отец мне не простит.

– Надо же! – чему-то своему ухмыльнулся рыжий, нажимая на кнопку вызова.

После тройки протяжных гудков, на том конце ответили, вернее не ответили, а гаркнули. Родитель был в бешенстве.

– Кристина! Эгоистка! Неблагодарная тварь, – изрыгал он. – Ты у меня получишь, ты будешь у меня кровью харкать, я тебе хребет переломая, чтобы ты срала под себя! Мерзавка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.